

Я. С. ЛУРЬЕ

К вопросу об идеологии Нила Сорского

I

Вопрос об идеологии основоположника нестяжателей Нила Сорского давно не пересматривался в историографии. В своей оценке Нила исследователи почти неизменно исходят из концепции, сложившейся еще во второй половине XIX в. в основном в либерально-славянофильской публицистике и историографии.

До конца 60-х годов XIX в. историки мало интересовались фигурой Нила Сорского. Нил рассматривался лишь как «великий подвижник», «муж силы духовной», и если мировоззрение его и противопоставлялось мировоззрению его современника — Иосифа Волоцкого, то лишь в том отношении, что «Нил смотрел на монастырь как на общество людей, отказавшихся от мира», а Иосиф «смотрел на монастырь также как на рассадник властей церковных»;¹ оба эти воззрения были, по мнению историка церкви Макария, «справедливы», но оба «справедливы неполне».² Авторы специальных исследований отмечали также аскетизм Нила, влияние на него византийской аскетической литературы.³

Либерально-славянофильская историография 60—70-х годов ставит вопрос о Ниле на новую почву. «Великий старец» XV в. заинтересовал славянофилов главным образом потому, что они увидели в нем своего исторического предка. Выступая за освобождение крестьян, преобразование суда и ряд других реформ умеренно-буржуазного характера, либеральные славянофилы, однако, никак не хотели и не могли признать, что реформы эти должны повести Россию по пути капиталистического развития, свойственного «растленному Западу»; напротив, они доказывали, что реформы вернут Русь к исконным порядкам, существовавшим в допетровские времена; но, как ни идеализировали они допетровскую Русь, они не могли не замечать целого ряда явлений древнерусской истории, которые явно противоречили провозглашаемому ими либеральным идеалам. Необходимо было поэтому как-то разграничить идеологию допетровской Руси, найти

¹ С. М. Соловьев. История России, кн. 1 (т. V). Изд. «Общественная польза», стлб. 1559; ср. стлб. 1723—1725.

² Макарий. История русской церкви, т. VI. СПб., 1870, стр. 131—133; ср. т. VII, СПб., 1874, стр. 76—79.

³ Сведения о древних переводах творений святых отцов на славяно-русский язык. Православный собеседник, 1859, ч. III, стр. 379—381. Ср. также: С. Шевырев. История русской словесности, ч. IV. Изд. 2, СПб., 1877, стр. 113—124; П. Ф. Николаевский. Русская проповедь в XV—XVI вв. ЖМНП, 1868, № 4, стр. 166—170; В. Иконников. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869, стр. 77—83; П—ов. Из истории русского монашества в XVI в. ЧОДП, 1872, тт. IX и XI—XII.

в ней два начала — темное и светлое. Темным началом в глазах славянофилов, естественно, оказывались иосифляне: именно они, по словам Курбского, вдохновили Ивана Грозного на жестокую расправу с врагами во второй период его царствования, именно иосифляне, добившись казней еретиков, насадили на русской почве «зародыши нетерпимости», чуждые «православно-славянским» началам. «Вдохновеннейшими глашатаями» противоположных, исконно русских начал славянофилы объявили противников Иосифа — «заволжских старцев», «прекрасную славу русской земли», проповедников мягкости и терпимости. В своей статье «Вопрос о направлении Иосифа Волоколамского» славянофильский публицист Орест Миллер прямо связывал борьбу иосифлян и нестяжателей с дальнейшими путями развития русской истории: «Долго, в течение трех с половиною веков, перевес оставался за иосифлянами. Но... невольно припоминаются нам слова московских старообрядцев из их изъявления верноподданнических чувств государю императору, всемиловитвейше принятого и затем обнародованного в 1863 году: „в новизнах твоего царствования нам старина наша слышится“. После этого, смеем думать, возникает надежда, что весы вполне склонятся, наконец, на сторону направления старцев заволжских».⁴ Связь между славянофильской идеологией и определенным отношением к борьбе между иосифлянами и нестяжателями казалась О. Миллеру настолько тесной, что, когда один из его прежних единомышленников П. Безсонов вздумал вступить за Иосифа Волоцкого, солидаризируясь при этом с реакционным профессором Духовной академии К. Невоструевым, Миллер буквально «отлучил» его от славянофильства. «Пусть г. Безсонов откажется от всяких связей со славянофилами, — заявил он, — пусть перестанет хвалиться тем, что созрел под их умственным кровом».⁵

Статья О. Миллера не была научным исследованием. Но обратившись к научной литературе последующих лет, мы легко можем обнаружить в ней те же самые идеи, которые были высказаны Миллером (и его единомышленниками в этом вопросе)⁶ в публицистической форме. В первую очередь это относится к капитальной работе, вышедшей в 1881 г. и посвященной основным проблемам идеологической борьбы первой половины XVI в., — к исследованию В. И. Жмакина «Митрополит Даниил и его сочинения». Направление Иосифа Волоцкого В. И. Жмакин характеризовал как «консервативно-формальное»; консерватизм иосифлян в религиозно-нравственных вопросах приводил их, по мнению В. Жмакина, и к признанию полной неограниченности царской власти.⁷ Консерваторам-иосифлянам противостояло «направление более высокое» — критическое, «нравственно-либеральное», проникнутое «идеей свободы», признающее «право личности как нравственного существа».⁸ Во вступительном слове к своей работе (которая была его магистерской диссертацией) В. И. Жмакин высказывал эту мысль еще резче: Нила Сорского и его сподвижников он называл

⁴ ЖМНП, 1868, № 2, стр. 545.

⁵ Инквизиторские вождения ученого. Журнал «Заря», 1870, т. X, стр. 303.

⁶ Сходные с О. Миллером взгляды высказывал (хотя и в менее резкой форме) Н. И. Костомаров. Он также видел в Иосифе Волоцком и Ниле Сорском представителей «двух направлений» в монашестве: «Одно опиралось на авторитет, другое — на самоубеждение; одно проповедовало повиновение, другое — совет; одно стояло за строгость, другое — за кротость». Направление Иосифа Костомаров связывал с Москвой, направление Нила — с Новгородом (Н. К.—в. Рецензия на И. Хрущова. Вестник Европы, 1868, кн. 4, стлб. 969).

⁷ В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 23—24, 91—92, 107.

⁸ В. Жмакин. Митрополит Даниил... стр. 33—35 и 107.

«русскими гуманистами-реформаторами в самом благородном значении этого слова», стоявшими «выше Лютера и Кальвина и других западных реформаторов»; В. И. Жмакин утверждал даже (не приводя тому никаких доказательств), что «идея свободы крестьян восходит у нас к золотому веку заволажбой братии», и, вслед за О. Миллером, применял к нестяжателям слова из старообрядческого адреса Александру II.⁹

Несмотря на ряд серьезных недостатков (голословность многих утверждений, неточность и небрежность при цитировании источников), ярко написанная и богатая материалом работа В. Жмакина имела очень большое влияние на последующую историографию. Недостатки книги В. Жмакина были отмечены (во многом справедливо) в рецензии профессора Казанской духовной академии П. Знаменского,¹⁰ но сама эта рецензия, написанная с крайне реакционных, обскурантистских позиций, в сущности возвращала читателя к прежнему представлению о Ниле как о «подвижнике» без какой-либо определенной идеологии; в историографии рецензия П. Знаменского осталась почти незамеченной. Можно без преувеличения сказать, что под влиянием работы В. Жмакина находились все дореволюционные исследователи, писавшие об идеологических движениях древней Руси. Концепцию В. Жмакина заимствовал А. Н. Пыпин, целыми страницами цитировавший своего предшественника;¹¹ характеристику иосифлян как «консерваторов» и нестяжателей как «либералов» повторяли М. В. Довнар-Запольский,¹² П. Н. Милюков¹³ и многие другие.

Под прямым влиянием концепции В. Жмакина находились и авторы специальных исследований о Ниле Сорском, написанных в конце XIX—начале XX в. Исследования и публикации этого периода ввели в научный оборот новые, частично не известные прежде материалы, относящиеся к Нилу и его сподвижникам. Но традиционный взгляд на «великого старца», сложившийся еще в славянофильской историографии, взгляд на Нила как на воплощение «нравственной свободы» и «либерализма» в противовес «догматизму» и «фанатизму» иосифлян оставался неизменным. Это относится в первую очередь к капитальной монографии А. С. Архангельского о Ниле Сорском (первая часть его незавершенного исследования «Нил Сорский и Вассиан Патрикеев»). Хотя А. С. Архангельский и отметил в своей работе, что характеристика Нила, данная Жмакиным, «не совсем верна», так как «автор совершенно упускает из виду один из самых важных элементов в воззрениях Нила, элемент созерцательный»,¹⁴ он полностью солидаризировался со своим предшественником, признавая одной из характерных черт идеологии Нила «принцип критики»¹⁵ и, в частности, критического отношения к божественным писаниям. А. С. Архангельский шел даже дальше в этом направлении, связывая Нила с еретиками конца XV в. «Являясь фактически отрицанием господствовавших интересов книжной среды, становясь обличением преобладавшего церковно-обрядового направления мысли, — указывал он, — идеи Нила Сорского уже этим

⁹ В. И. Жмакин. Борьба идей в России в первой половине XVI в. ЖМНП, 1882, № 4, стр. 149—152.

¹⁰ П. Знаменский. Рецензия на сочинение Жмакина. Церковный вестник, 1884, №№ 27—28 и 29.

¹¹ А. Н. Пыпин. Иосиф Волоцкий и Нил Сорский. Вестник Европы, 1894, кн. 6.

¹² М. В. Довнар-Запольский. Московские гуманисты и обскуранты. Сб. «Москва в ее прошлом и настоящем», т. II. М., б. г.

¹³ П. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. 2. СПб., 1905, стр. 26—32.

¹⁴ А. С. Архангельский. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, ч. 1. Преподобный Нил Сорский. СПб., 1882, стр. XII.

¹⁵ А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 134—135 и 278.

самым сближались с возникшей партией протеста».¹⁶ Архангельский находил и другие «положительные и более частные пункты сближения» между Нилом и еретиками: 1) их «духовность», т. е. отрицательное отношение к чисто обрядной религиозности, 2) «принцип критики», 3) «принцип личной правоспособности каждого мирянина в религиозной сфере», 4) отрицательное отношение к общей массе современного им монашества. «Идеи Нила, — по мнению А. С. Архангельского, — являлись как бы подготовлением, переходной ступенью к более смелым и крайним „сумнениям“ и „шатаниям“».¹⁷

Представление о Ниле Сорском как о главе направления, резко противоставленного официальной, иосифлянской церкви, легло в основу ряда исследований по истории Кирилло-Белозерского монастыря, предпринятых Н. К. Никольским.¹⁸ Связь кирилло-белозерского монашества с нестяжательством представлялась Н. К. Никольскому настолько неразрывной, что он склонен был причислять к нестяжателям даже тех лиц, которые хотя бы скончались в Кирилловом и соседних с ним монастырях.¹⁹ Н. К. Никольскому пришлось, правда, встретиться с фактом, который явно противоречил такому представлению: среди кирилловских «старцев», близких к Нилу, было немало лиц, никакого отношения к нестяжательству не имевших. Для устранения этого противоречия Н. К. Никольский предложил сложную и явно искусственную классификацию нестяжателей, которых он разделил на три группы: 1) собственно нестяжателей (Нил Сорский), 2) противников «расширения монастырской вотчины», не возражавших, однако, против «вотчинного быта по принципу», и 3) «наиболее крайнюю либеральную фракцию нестяжателей», выступавших против «вотчинного быта» из чисто политических побуждений (Вассиан Патрикеев). Последняя группа была, по мнению Н. К. Никольского, связана с еретиками.²⁰

Те же взгляды высказывала и третья исследовательница Нила Сорского (впервые научно издавшая его «Предание и Устав») — М. С. Боровкова-Майкова. Она тоже считала характерной чертой мировоззрения Нила «критическое отношение» к «божественным писаниям»; не связывая Нила непосредственно с еретиками, М. С. Боровкова-Майкова полагала, что, проявляя «снисхождение» к ереси, заволжские старцы «действовали всецело под влиянием своего великого старца».²¹

Взгляд на мировоззрение Нила Сорского, высказанный славянофилами и В. Жмакиным и развитый А. С. Архангельским и другими исследователями, мы можем считать, таким образом, общепринятым в дореволюционной исторической науке.²² Та же точка зрения утвердилась и в западной историографии.²³ Ознакомившись с недавно опубликованной статьей

¹⁶ А. С. Архангельский. Нил Сорский... , стр. 277—278.

¹⁷ А. С. Архангельский. Нил Сорский... , стр. 278—281.

¹⁸ Н. К. Никольский. 1) Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897; 2) Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI вв. и в начале XVII в. Христианское чтение, 1907, т. ССХХIV, ч. 1. Обе работы связаны с капитальной монографией о Кирилло-Белозерском монастыре, не законченной автором.

¹⁹ Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь... , стр. 188—189, примечание.

²⁰ Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь... , стр. 167—187.

²¹ М. С. Боровкова-Майкова. Великий старец Нил, пустынный Сорский. Оттиск из «Русского филологического вестника», 1910, т. LXIV, стр. 10 и 12—13.

²² Попытка пересмотра отдельных вопросов, связанных с Нилом, была сделана в работах К. В. Покровского и Г. Левицкого, носивших узко филологический и богословский характер и не доведенных авторами до конца. См. об этих работах ниже, стр. 200—201 и 207—208.

²³ Совершенно необычной на первый взгляд может показаться оценка нестяжателей и иосифлян, данная И. Денисовым (E. Denisoff. Aux origines de l'église russe auto-

английского исследователя Дж. Л. Феннела «Отношение иосифлян и заволжских старцев к ереси жидовствующих», мы можем обнаружить, что автор ее исходит в сущности из тех же взглядов, что и А. С. Архангельский. Он также считает, что Нил, в отличие от иосифлян, был сторонником «терпимости» по отношению к еретикам, и объясняет эту «терпимость» не только гуманностью, но и определенным сходством между взглядами Нила и еретиков: «претензия еретиков на право свободной интерпретации священных писаний и их скептическое отношение к непогрешимости всех божественных писаний были логическим заострением критической позиции Нила относительно божественных писаний».²⁴ Вслед за русскими историками Феннел предполагает существование прямых и даже фамильных связей между еретиками и нестяжателями.²⁵

Советская историография впервые поставила вопрос о социальной роли учения Нила и его последователей, отказавшись от оценки иосифлянства как абстрактно-«консервативного» явления и нестяжательства как «либерализма». Уже Н. М. Никольский отметил, что вопрос о монастырском землевладении, «занимавший в сочинениях Нила второстепенное место, для тогдашних политиков выдвинулся на первый план и заслонил собою основное положение Нила, созерцательность монашеской жизни».²⁶ «Стоит только слегка распахнуть монашеское одеяние любого из „нестяжателей“, как мы увидим под ним парчу боярского кафтана, — писал Б. А. Рыбаков. — Пытаясь отдалить нависающий призрак опричнины, боярин указывал путь к вотчинам „непогребенных мертвецов“».²⁷ Ту же мысль мы находим и в вузовском курсе «Истории СССР».²⁸ Об использовании учения Нила в качестве «орудия боярской политики» говорит и И. У. Будовниц, считающий самого Нила выразителем «монашеской патриархальной крестьянства».²⁹ Об этом же говорится и в «Очерках истории СССР»: «За религиозной оболочкой учения Нила Сорского скрывалась внутриклассовая борьба, направленная, в частности, против усиливающейся княжеской власти»³⁰

cephale. *Revue des études slaves*, t. XXIII, f. 1—4, 1947). Денисов считает консерваторами и ревнителями старины митрополита Геронтия и вместе с ним нестяжателей, а сторонниками нового — иосифлян. Но мотивировка такой переоценки оказывается у него весьма неожиданной и едва ли убедительной: новым и передовым в иосифлянах представляется ему их приверженность к католицизму, нетерпимость к еретикам и «такая политика, которая возлагает на церковь охрану порядка в догматических воззрениях (la police des opinions dogmatiques)» (стр. 84); у нестяжателей эти черты, по мнению автора, отсутствовали. Мы не будем разбирать здесь концепцию Денисова по существу; отметим только, что, несмотря на иные оценки, фактическая характеристика обеих групп остается у Денисова прежней: он резко противопоставляет друг другу иосифлян и нестяжателей, считая последних сторонниками снисходительного отношения к ереси.

²⁴ J. L. G. Fennell. *The Attitude of the Josephians and Trans-Volga Elders to the Heresy of the Judizers*. *The Slavonic and East European Review*, v. XXIX, № 73, 1951, стр. 504.

²⁵ J. L. G. Fennell. *The Attitude of the Josephians...*, стр. 505—509. Некоторые из выводов Феннела основываются на предположениях, ошибочность которых была отмечена еще в дореволюционной науке (например, предположение о фамильных связях между Курицыными и Патрикеевыми; ср.: Н. П. Лихачев. *Разрядные дьяки XVI в.* СПб., 1888, стр. 87).

²⁶ Н. М. Никольский. *История русской церкви*. М., 1930, стр. 83.

²⁷ Б. А. Рыбаков. *Воинствующие церковники XVI в.* *Антирелигиозник*, 1934, № 3, стр. 24.

²⁸ *История СССР*, под ред. В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова и С. В. Бахрушина, т. 1. М., 1939, стр. 340.

²⁹ И. У. Будовниц. *Русская публицистика XVI в.* М.—Л., 1947, стр. 81.

³⁰ *Очерки истории СССР, период феодализма, кон. XV в.—нач. XVII в.* М., 1955, стр. 176.

Но изменив оценку движения нестяжателей, данную в историографии второй половины XIX—начала XX в., советские исследователи не попытались подвергнуть проверке фактические положения, легшие в основу этой оценки. По-прежнему историки говорят о «критическом отношении» Нила к церковной литературе;³¹ по-прежнему они так или иначе связывают его с еретическим движением. По мнению Н. М. Никольского, «сосланные в заволжские скиты друзья еретиков из старобоярской партии» нашли поддержку среди нестяжателей.³² А. А. Зимин считает, что «нестяжатели использовали в своекорыстных целях отдельные элементы русских гуманистически-реформационных учений», ибо «главные идеологи нестяжателей (Нил Майков и Вассиан Патрикеев) были в свое время близки к разгромленному боярскому еретическому кружку».³³

Необходимость пересмотра традиционного взгляда на идеологию Нила Сорского вытекает прежде всего из рассмотрения смежных вопросов. Ознакомление с памятниками раннего иосифлянства и особенно с сочинениями самого Иосифа Волоцкого совершенно разрушает представление о «консерватизме» иосифлян и об официозном характере этого движения;³⁴ в ранних произведениях Иосифа мы обнаруживаем своеобразные «нестяжательские» тенденции (запрещение всякой личной собственности в монастыре), во многом сходные с «нестяжательством» самого Нила.³⁵ С другой стороны, изучение истории еретических движений совершенно опровергает представление о существовании внутри ереси какой-либо «старобоярской группы»; представители феодальной аристократии (Ряполовский, Патрикеевы) никогда не были еретиками; их политическая связь с придворными представителями ереси также крайне сомнительна.³⁶

Наконец, изучение истории землевладения Белозерского края разрушает представление (особенно развитое Н. К. Никольским) о Кирилло-Белозерском монастыре как о «цитадели нестяжательства» и о преобладании в этом монастыре в какой-либо период его существования (даже в конце XV в., когда видную роль там играли сподвижники Нила) нестяжательских тенденций.³⁷

Все эти соображения позволяют, на наш взгляд, заново поставить вопрос об идеологии Нила Сорского.

II

Материал, относящийся к биографии Нила Сорского, крайне беден. Составленное после его смерти житие, если верить преданию, сгорело уже в 30-х годах XVI в.;³⁸ биографические известия о Ниле дошли до нас

³¹ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 319; И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в., стр. 78; Очерки истории СССР, стр. 175.

³² Н. М. Никольский. История русской церкви, стр. 81. Ср.: Очерки истории СССР, стр. 175.

³³ А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. ТОДРЛ, IX. М.—Л., 1952, стр. 169.

³⁴ А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого, стр. 160, 167—174, 177.

³⁵ Я. С. Лурье. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлянства. ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956.

³⁶ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, стр. 163—170.

³⁷ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951.

³⁸ Ср.: А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 1. Б. И. Дубенцов любезно обратил мое внимание на рукопись XIX в., содержащую наряду с сочинениями Нила «Житие преподобного отца нашего, Нила Сорского чудотворца» (ГПБ, 708/1929 г., л. 60). Трудно сказать, что перед нами — сохранившийся текст древнего жития или

в поздних и случайных памятниках.³⁹ Судя по этим известиям, Нил происходил из Москвы, где был «судиям книгчий»; местом его первоначального пострига был Кирилло-Белозерский монастырь, откуда затем он направился в Константинополь и на Афон: «Тако же убо Афонскую гору доиде и в Русию паки возвратися и пришед... в... Сорскую пустыню».⁴⁰ Дополнением к этим известиям могут служить полукриптографические записи, содержащиеся в сборничке, исследованном Н. К. Никольским и составленном, по-видимому, кирилло-белозерским монахом Германом Подольным. Здесь сообщается, что у Нила был брат Андрей, умерший в 1502/03 г., т. е. очевидно Андрей Майко, великокняжеский дьяк, упоминания о котором в источниках прекращаются около этого года.⁴¹ Родственные отношения Нила с дьяком Майко подтверждают известие о том, что он был «судиям книгчий», и опровергают позднейшие домыслы историков о происхождении Нила из боярской⁴² или крестьянской среды.⁴³ Наконец, тот же сборник Германа содержит и дату смерти Нила: «в лето 7016 (1508)... мая в 7»,⁴⁴ приводимую и рядом других источников.⁴⁵

Скудость прямых биографических данных о Ниле вынуждает нас обратиться к косвенным свидетельствам источников, не имеющих специально биографического характера. Наибольший интерес среди этих источников представляют, несомненно, сочинения самого Нила. В послании Герману Подольному, старцу Кириллова монастыря, Нил упоминает о своем уходе из этого монастыря, «странничестве» (путешествии на Афон) и создании им после этого особой «келии»: «Таже, по отшествии странничества моего, пришед в монастырь, вне близь монастыря створих келию и также живях, елико по силе моей. Ныне же вдале от монастыря преселихся, понеже, благодатию божиею, обретох место угодно моему разуму, занеже мирьския чади маловходно». Этим событиям предшествовал какой-то конфликт между Нилом и оставшимся в монастыре Германом: «Мнишь брань мне на тебя, — писал Нил, — тех ради речей, что говорили есмь с тобою...».⁴⁶ Уход Нила, как прямо обнаруживается из

компиляция, составленная по сочинениям Нила и другим материалам. Во всяком случае, текст этого жития не содержит ничего, что выходило бы за пределы остальных источников.

³⁹ Весьма сомнительными представляются нам источники, привлеченные для этой цели А. С. Архангельским (Нил Сорский..., стр. 3—4, 11, 22): из двух рукописей, использованных им, одна представляет собой запись XIX в. на полях «Синодика» Кирилло-Белозерского монастыря, неизвестно на чем основанную (ГПБ, Кир.-Бел. 752/1009, л. 1 об.), а другая содержит явно легендарный рассказ, согласно которому Нил Сорский (умерший в 1508 г. и живший, судя по этому же источнику, 75 лет) был современником и учеником Кирилла Белозерского, умершего в 1427 г. (ГПБ, Ф.1.260, л. 56). Более достоверна «Повесть о старце Ниле», изданная М. С. Боровковой-Майковой (Нила Сорского Предание и Устав. СПб., 1912, Приложение, стр. XXIX—XXXI), хотя и она относится к XVII в.

⁴⁰ Нила Сорского Предание и Устав, Приложение, стр. XXIX—XXX. О пребывании Нила «на святей горе Афонстей и в странах Цариграда» сообщает он сам в 11-м «слове» своего Устава (там же, стр. 89).

⁴¹ Н. К. Никольский. Описание рукописей..., стр. XV, примечание; ср. стр. XXXVIII. О принадлежности Нила к роду Майковых сообщает «Письмо о нелюбках» (Прибавление к творениям святых отцов, ч. X, 1851, стр. 505) — памятник, на значении которого мы остановимся ниже (стр. 195).

⁴² С. Шевырев. История русской словесности, ч. IV, стр. 113. Ср.: Б. А. Рыбаков. Воинствующие церковники XVI в., стр. 24.

⁴³ А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 3. Источником этого мнения было самоуничижительное замечание Нила о себе: «невежа и поселянин есмь».

⁴⁴ Н. К. Никольский. Описание рукописей..., стр. XLII, примечание.

⁴⁵ Ср.: А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 43, прим. 110.

⁴⁶ ГПБ, Кир.-Бел. 101/1178, лл. 218 и 219. Цитируем по списку из сборника самого Германа Полева как наиболее аутентичному (в других списках вместо «брань» — «скорбь»).

письма, был вызван возникшим у него недовольством порядками в Кирилловом монастыре. Нил говорит о своем «изшествии из монастыря»: «... точию непользы ради душевная, а не за иное что, занеже не видя ныне хранима жительства закон божиих, по святых писаниих и преданию святых отецъ, но по своих волях и умышленных человеческихх».⁴⁷

Когда же произошло это «изшествие» Нила из Кирилло-Белозерского монастыря? Дата его ухода, как и дата основания им Сорской обители, не сохранилась в биографических заметках; предложенная А. Муравьевым и не основанная ни на каких источниках датировка основания Сорской пустыни 1450 г. представляется нам совершенно неубедительной.⁴⁸ Документальные источники позволяют определить *terminus post quem* ухода Нила из Кирилло-Белозерского монастыря: среди «старцев Кириллова монастыря» Нила называет «отводная грамота» 1448—1460 гг.⁴⁹ и меновная грамота 1471—1475 гг.⁵⁰ Если мы учтем, что уход Нила из монастыря носил достаточно резкий характер и сопровождался даже какой-то «бранью» с оставшимися «старцами», то станет очевидным, что в роли официального представителя монастыря Нил мог выступать только до своего «изшествия». «Отводная грамота» 1482 г. как будто позволяет еще несколько отодвинуть дату основания Сорской обители: несмотря на то что граница отвода (межевания монастырской земли) проходила как раз у самой территории Сорской пустыни, эта пустынь не названа здесь ни внутри, ни вне владений Кириллова монастыря; можно предполагать поэтому, что в 1482 г. ее еще не существовало.⁵¹ Итак, уход Нила, его «странствие» и основание самостоятельной «кельи» следует относить, по нашему мнению, не ранее, чем к 70—80-м годам XV в.

В истории Кирилло-Белозерского монастыря 70—80-е годы были временем острой и напряженной внутренней борьбы. Основанный в последние годы XIV в., Кириллов монастырь ни в какой из периодов своего существования не был «нестяжательным» монастырем: большие земельные приобретения были сделаны еще при самом Кирилле;⁵² преемники его усердно продолжали приобретательскую деятельность основателя. К последней четверти XV в. монастырская вотчина представляла собой значительную территорию (в состав ее входила 51 деревня); естественно, что вопрос о верховном сюзерене этой вотчины имел немалое значение.

В конце 70—начале 80-х годов Кириллов монастырь стал центром сложных политических интриг: в 1478 г. игумен монастыря Нифонт, поддержанный удельным князем Михаилом Андреевичем (а затем митрополитом Геронтием), выступил против ростовского архиепископа (кото-

⁴⁷ Кир.-Бел. 101/1178, л. 218 (в других списках: «точию же пользы ради душевная»).

⁴⁸ А. Муравьев. Русская Фиваида на Севере. СПб., 1855 (схема в конце книги). Работа А. Муравьева не имела научного характера, и автор не давал ссылок на источники. В книге его множество фактических ошибок: собор, на котором Нил выступил против монастырского землевладения, он относит к 1508 г. и выступление Нила приписывает влиянию Максима Грека (приехавшего в Россию в 1518 г.) и т. д. По-видимому, Муравьев опирался на источник, подобный сказанию в сборнике ГПБ, Ф.1.260 (см. выше, стр. 188, прим. 39): из него он заимствовал утверждение, что Нил «прочевастал... немного спустя после св. Кирилла Белозерского», и именно поэтому датировал основание Сорской пустыни столь ранним временем (в действительности Нилу, умершему в 1508 г., едва ли было в 1450 г. более 20 лет).

⁴⁹ РИБ, т. II, № 25, стр. 289—290.

⁵⁰ С. Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. II. М., 1900, стр. 105.

⁵¹ С. Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. II, стр. 88—89.

⁵² Ср.: А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., стр. 16—48, 87—96.

рого в свою очередь поддержал великий князь);⁵³ в 1482 г. Нифонта сменил Серапион, но год спустя с протестом против нового игумена выступили 15 «больших старцев»⁵⁴ и «князь (Михаил Андреевич, — Я. Л.) отгнати того повеле от Кирилова монастыря».⁵⁵

История борьбы в Кирилловом монастыре уже обратила внимание одного из исследователей — Н. К. Никольского, но, верный традиционному представлению о «нестяжательских» традициях монастыря, Н. К. Никольский и в этих эпизодах усмотрел прежде всего столкновение между сторонниками «вотчинно-общеземельного быта» и «нестяжателями»; по его мнению, оба игумена — Нифонт и Серапион — были сторонниками «вотчинного быта» (монастырского землевладения). Н. К. Никольский полагал, что 15 старцев, покинувших монастырь в 1483 г., были нестяжателями, а «поводом к недовольству игуменом было предпринятое им расширение владений, несогласное с заветами основателя монастыря».⁵⁶

Объяснение, предложенное Н. К. Никольским, не представляется нам убедительным. Ни летописный рассказ о событиях 1478 г., ни имеющиеся у нас сообщения о конфликте 1483 г. ничего не говорят о том, чтобы вопрос о землевладении был в этот период предметом спора в монастыре. Все эти рассказы зато с достаточной ясностью говорят о другом: о политическом характере обоих столкновений, о связи их с борьбой вне монастыря. И в 1478 г. и в 1483 г. в борьбу между кирило-белозерскими «старцами» так или иначе оказался замешан князь Михаил Андреевич. При этом заметим, что роль обоих игуменов, которых Никольский считал представителями одной «вотчинновладельческой» группировки, была диаметрально противоположна: Нифонт выступал в 1476 г. против Вассиана на стороне Михаила Андреевича; Серапион, напротив, был «отгнан» в 1483 г. благодаря вмешательству Михаила Андреевича. Но столкновения 1478 и 1483 гг. затрагивали не только интересы удельного князя; в них оказались замешанными также и митрополит и великий князь,⁵⁷ предпринявший в 1482 г. даже специальные меры для ограничения землевладения Кириллова монастыря.⁵⁸ Кирило-Белозерский монастырь оказывался, таким образом, центром сложной политической борьбы.

Какую же позицию мог занимать в этой борьбе, развернувшейся внутри и вне монастыря, Нил Сорский? Решение этого вопроса затрудняется тем обстоятельством, что в событиях 1478—1483 гг. в противоположных ролях выступали два лица, тесно связанных с Нилом. С одной стороны, Нил был, по-видимому, близок к известному церковному деятелю конца XV в. — Паисию Ярославову. Паисия и Нила рядом называют два источника того времени, которых мы будем касаться ниже: послание новгородского архиепископа Геннадия⁵⁹ и новгородский летописный рассказ о «соборе на

⁵³ ПСРЛ, т. XXIV. Пг., 1921, стр. 197. Дополнением к этому источнику может служить правая грамота митрополиту Геронтию, найденная и опубликованная Н. К. Никольским (Правая грамота митрополита Геронтия. СПб., 1897. Отд. оттиск из «Памятников древней письменности», LXXI).

⁵⁴ «Летописчик» Гурия Тушина. ГПБ, Соф. 1468, л. 178—178 об.

⁵⁵ «Отвещание любозагорным» Иосифа Волоцкого. ВМЧ, сент. 1—13. СПб., 1868, стлб. 551.

⁵⁶ Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь..., стр. 167 и 173.

⁵⁷ Ср.: ПСРЛ, т. VI, стр. 233—234.

⁵⁸ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., стр. 104—105, прим. 3; ср. стр. 43—44, прим. 6.

⁵⁹ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения..., стр. 318 и 320.

еретиков» 1490 г.⁶⁰ Паисий же в событиях этих лет держал, по всей видимости, сторону Ивана III: именно его хотел посадить великий князь на место несговорчивого митрополита Геронтия.⁶¹ Связь с Паисием должна была как будто определять сочувствие Нила великому князю во время споров 1478—1483 гг., но, с другой стороны, Нил был связан (и вероятно теснее, чем с Паисием) с более молодым представителем кирилловской братии — Гурием Тушиным. Гурию было адресовано одно из важнейших посланий Нила, им же были переписаны три дошедших до нас сборника житий «Нилова потруженья».⁶² А между тем Гурий Тушин был связан с иной группой, борющейся в 1478—1483 гг. В своем «летописчике», дошедшем до нас в одной из кирилловских рукописей, Гурий поведал об «уходе старцев» в 1483 г., закончившемся победой Михаила Андреевича и удалением игумена Серапиона, но зато совсем обошел предшествующее столкновение, имевшее противоположный исход. Сам Гурий был явно близок к предшественнику Серапиона — Нифонту: он был постриженником этого игумена и в своем летописчике аккуратно перечислил всех остальных постриженников Нифонта.⁶³ Мало того, в своем летописчике, составленном без соблюдения точного хронологического порядка, Тушин дважды подводит читателя к 6991 (1483) г. — году падения игумена Серапиона;⁶⁴ но он скромно умалчивает о том, кто стал игуменом после того, как Серапион благодаря вмешательству «старцев» был «отогнан» от монастыря. Мы узнаем об этом из другого источника — списка кирилловских игуменов: преемником смещенного Серапиона (и, очевидно, носителем противоположных ему тенденций) стал сам Гурий Тушин, несмотря на свой недавний постриг (1479 г.) и вероятную молодость.⁶⁵

Неясность позиции Нила в событиях 1478—1483 гг. не позволяет установить, какое из упомянутых выше событий было поводом к его «изшествию» из монастыря. Но приведенные выше замечания Нила в грамоте Герману ясно показывают, что «изшествию» этому предшествовали серьезные разногласия между ним и основной частью кирилловских «старцев». Если бы весь монастырь держался бы таких же «нестыжательских» взглядов, как Нил, а оппозиция этим взглядам исходила только от двух игуменов, Нилу незачем было бы уходить из монастыря, да и еще «братиться» из-за этого со своими прежними друзьями.

Уход Нила из своего монастыря — не исключительное явление в истории монастырского быта конца XV в. Так же, как и Нил, и примерно в те же годы, покинул свою обитель и обратился к изысканию новых путей организации монашества (паломничая для этой цели, в частности, в Кирилло-Белозерский монастырь) и другой церковный деятель того времени — Иосиф Волоцкий.

Сходство между биографиями Нила Сорского и Иосифа Волоцкого обнаруживается и в другом. В истории древней Руси Иосиф Волоцкий выступает, как известно, не только в качестве реорганизатора церковно-монастырского уклада, но и в роли свирепого «обличителя ересей». Сорат-

⁶⁰ ПСРЛ, т. IV. СПб., 1841, стр. 158. Памятники, которые А. С. Архангельский считал посланиями Нила к Паисию, в действительности таковыми не являются (см. ниже, стр. 211).

⁶¹ ПСРЛ, т. XXIV, стр. 203.

⁶² См. ниже, стр. 188—199 и 204.

⁶³ Соф. 1468, л. 177—177 об.

⁶⁴ Соф. 1468, лл. 177—177 об. и 177 об.—178 об. (6984, 6986, 6987, 6989, 6993, 6991, 6964, 6971, 6973, 6974, 6981, 6986, 6988, 6989, 6991...).

⁶⁵ Ср., например, списки кирилловских игуменов: ГПБ, Соф. 1462, л. 2 об.; Соф. 1166, л. 154 об.; Соф. 1167, л. 151 и др.

никами Иосифа в его «обличительной» деятельности был новгородский архиепископ Геннадий и ближайшие сподвижники жены Ивана III, Софии Палеолог (соперница которой в придворно-династической борьбе, Елена Стефановна, была еретичкой). Великий князь, однако, в течение некоторого времени благоволил еретикам и «обличителям», которым, по словам Иосифа, нередко грозили «скорби многи и юзы и темница», приходилось искать себе более широкой опоры в среде духовенства. В числе лиц, на поддержку которых рассчитывали Геннадий и Иосиф, были виднейшие иерархи того времени — архиепископ Иоасаф Ростовский, епископ Нифонт Суздальский (в прошлом — кирилловский игумен), Прохор Сарский и др.

Нил Сорский был уже в это время крупной фигурой в среде русского монашества. Естественно, что и он не мог оставаться в стороне от этой борьбы. Среди немногочисленных известий о Ниле Сорском, дошедших до нас от XV в., два известия связывают его (так же как и близкого к нему Паисия Ярославова) с «обличительной деятельностью» тех лет. В 1489 г. новгородский архиепископ Геннадий обратился к ростовскому архиепископу Иоасафу с просьбой привлечь к борьбе с ересью «Паисея и Нила»; он спрашивал их совета по наиболее острым полемическим вопросам и интересовался, имеются ли в Кирилловом и других северных монастырях книги, которыми пользуются еретики.⁶⁶ В 1490 г., по известию близкой к Геннадию летописи, Паисий и Нил приняли участие в соборе, осудившем новгородских еретиков.⁶⁷

Письмо Геннадия Иоасафу, так же как летописное известие об участии Паисия и Нила в соборе 1490 г., давно и хорошо известно в литературе; однако значение столь прямого свидетельства о связи «обличителей» с Нилом Сорским почему-то недооценивалось историками. А. С. Архангельский склонен был даже видеть в послании Геннадия Иоасафу доказательство «странной изолированности Нила Сорского от борьбы с таким ужасным злом», каким считалась ересь: по его мнению, результаты обращения Геннадия к Нилу и Паисию «были не совсем такие, каких желалось», ибо «после мы не видим уже никаких сношений Геннадия ни с Паисием, ни с Нилом», а собор 1490 г., на котором участвовали Паисий и Нил, «дал совсем не то, чего ждали» от него «обличители».⁶⁸ Едва ли можно признать такое рассуждение убедительным: источник, сохранившийся от конца XV в., достаточно скуден; известий же, относящихся к Нилу Сорскому, буквально считанное количество. При таком положении было бы весьма странно предполагать, что до нас должна дойти не только грамота Геннадия, но и вся дальнейшая переписка по этому вопросу; тем более странно вывести из отсутствия источников какие-либо заключения отрицательного характера. Впрочем, вопреки мнению А. С. Архангельского, мы и после 1489 г. встречаем следы сношений Геннадия с кирилловскими «старцами». В послании Иоасафу Геннадий запрашивал Паисия и Нила, есть ли, в частности, у них в монастыре книга «Афанасий Александрийский» (книга против еретиков-ариан). На этот запрос он, очевидно, получил ответ, и ответ отрицательный, ибо в том же году два ближайших сподвижника новгородского архиепископа — дьяк Герасим Поповка и его брат Митя (Герасимов) — сочли необходимым переписать «книгу Афанасий

⁶⁶ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения..., Приложения, стр. 318 и 320.

⁶⁷ ПСРЛ, т. IV, стр. 158.

⁶⁸ А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 30—33; ср. стр. 281. Ср. также: J. L. I. Fennell. The Attitude of the Josephians..., стр. 491.

Александрійский» и послать ее в Кирилло-Белозерский монастырь.⁶⁹ Что касается собора 1490 г., то у нас нет никаких оснований считать решения этого собора мягкими и противоречащими требованиям «обличителей»: все новгородские еретики, преданные соборному суду, были прокляты и лишены сана; физическая же расправа над ними была делом не церковного собора, а светской власти, и если она не была произведена в 1490 г., то это объясняется политической позицией великого князя, а не деятельностью «отцов собора».⁷⁰ Так или иначе мы не имеем ни малейшего основания противопоставлять в этом случае Паисия и Нила всем иерархам, участвовавшим в соборе 1490 г.

Сочинения Нила содержат дополнительные данные о его враждебности еретическим движениям. «Лжеиерейские же учителя еретическая учения и предания вся проклинаю аз и сущии со мною, и еретики вси чюжи нам да будут»,⁷¹ — писал Нил в своем «Предании». М. С. Боровкова-Майкова обратила внимание и на другое любопытное явление: на значительные текстуальные совпадения, которые имеет «Послание старца духовна некому брату» Нила Сорского с «Посланием иконописцу», — памятником, служащим предисловием к трем обличительным «словам на новгородских еретиков» (впоследствии вошедшим в «Просветитель» Иосифа Волоцкого в качестве 5-го, 6-го и 7-го «слов»).⁷² Весь текст «Послания иконописцу», за исключением раздела, излагающего содержание трех последующих «слов», совпадает с «Посланием некому брату». Чем объясняется такое совпадение? Принадлежность «Послания брату» Нилу Сорскому не вызывает сомнений: М. С. Боровкова-Майкова рядом примеров убедительно показала близость этого сочинения к другим произведениям Нила. Едва ли можно, однако, вместе с исследовательницей, объяснять совпадение текста между обоими посланиями случайными обстоятельствами: ошибкой при списывании или перебоем листов при сшивании.⁷³ Считать в «Послании иконописцу» разделы, совпадающие с «Посланием брату», случайной вставкой, попавшей в текст по недоразумению, нельзя уже потому, что без этих разделов (занимающих все начало и конец «Послания») текст «Послания иконописцу» становится бессмысленным и непонятным. Во всех списках, в которых дошло до нас «Послание иконописцу», и в том числе в достаточно ранних списках (первой половины XVI в.),⁷⁴ оно совпадает в своей основной части с «Посланием брату»; «Послание брату» органически входит в ткань «Послания иконописцу». Перед нами — произведение, предпосланное трем «словам» против новгородских еретиков и принадлежащее в основной своей части Нилу Сорскому. Могут быть высказаны, очевидно, два предположения о происхождении этих «слов» и вступительного «Послания иконописцу». Либо мы можем считать, что автором всего сочинения в целом («послания» и «слов») был Нил Сорский, а Иосиф Волоцкий при составлении «Просветителя» включил в него «слова» Нила, опустив вступительное «послание». Либо, наоборот, мы можем предположить, что и вне «Просветителя» «слова» об иконах — произведение Иосифа Волоцкого, но что во вступительном «послании» волоколамский игумен широко использовал «Посла-

⁶⁹ Л. Н. Майков. Последние труды. ИОРЯС, 1900, т. V, кн. 2, стр. 376.

⁷⁰ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения... стр. 129—130.

⁷¹ Нила Сорского Предание и Устав, стр. 3.

⁷² См. это послание в кн.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения..., Приложение, стр. 323—325.

⁷³ М. С. Боровкова-Майкова. К литературной деятельности Нила Сорского. СПб., 1911, стр. 4—12.

⁷⁴ ГПБ, Соф. 1474.

ние брату» Нила. С точки зрения представления об авторской собственности, характерной для XV в., возможно и заимствование Иосифом части вступительного «послания» и заимствование им целых «слов». Но какую бы из этих возможностей мы ни приняли, ясно одно: использование Иосифом сочинения Нила в его борьбе против еретиков свидетельствует о близости между обоими писателями, о том, что волоколамский игумен видел в сорском отшельнике своего единомышленника в борьбе с ересью.

О связи Нила с «обличителями» говорит еще одно обстоятельство. Выше мы уже отмечали активную роль, которую играло в борьбе с еретическим движением непосредственное окружение великой княгини Софии Палеолог. Речь идет здесь в первую очередь о приехавших с Софией на Русь братьях Траханиотах, помогавших новгородскому владыке в его полемике с еретиками и даже доставивших ему отчет о деятельности испанской инквизиции. Но к свите Софии Палеолог принадлежало еще одно лицо — князь Константин Мавнукский (Манкупский), также переселившийся в Россию вместе с «царегородской царевной». Как и Траханиоты, князь Константин завязал тесные связи с высшей церковной иерархией: он поступил на службу к ростовскому архиепископу Иоасафу, тому самому иерарху, через которого Геннадий вступил в переговоры с Паисием и Нилом. В 1489 г. Иоасаф был лишен сана вследствие какого-то столкновения с великим князем; крайне недовольный этой отставкой, Геннадий попрекал Иоасафа за то, что он не сумел остаться архиепископом в момент борьбы с еретиками: «... оставил архиепископию, да предал еси овцы вльком на расхищение, а слыша такуюв беду церковную». ⁷⁵ Вместе с Иоасафом подвергся опале и Константин Мавнукский: ему пришлось удалиться вместе с Иоасафом в монастырь и там, вопреки его желанию, постричься (под именем Кассиана). ⁷⁶ Опала Иоасафа и Константина, по всей видимости, была связана с теми «скорбями многими», которые, как рассказывал Иосиф Волоцкий, пришлось вынести некоторым деятелям церкви в годы близости великого князя с еретиками; сочувствуя своим пострадавшим собратьям, другие церковники, по словам Иосифа, «пострадали» им «писанием утешительным». Геннадий писал «утешительное писание» Иоасафу; «писание утешительное» Константину-Кассиану Мавнукскому написал Нил Сорский. Послание это дошло до нас. В послании Нил вспоминает бедствия, испытанные опальным князем на родине: «скорби, и беды, и пленение и заведение от своея земли и рода и отечества в землю чужю и язык несведом», и затем на Руси: «потом же наведе на ны, грех ради наших искушения и скорби и заточения», и утешает Кассиана: «О сем паки радуяся, яко возлюби нас бог, не хотя мучити на оном веце будущем, но зде попусти поскорбети». ⁷⁷

Известные нам факты биографии Нила Сорского (относящиеся, по-видимому, в основном к концу XV в.) не дают, таким образом, оснований для противопоставления его Иосифу Волоцкому и иосифлянам. Исключение составляет только один факт, не засвидетельствованный современными Нилу источниками и известный только на основании посмертной традиции. Мы имеем в виду выступление Нила Сорского по вопросу о монастырских имуществах в связи с собором 1503 г. Наиболее про-

⁷⁵ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения..., Приложение, стр. 317.

⁷⁶ См.: Житие св. Константина кн. Манкупского. ГПБ, Погод. 1563, лл. 65 об.—67. Ср.: А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 56, прим. 26.

⁷⁷ ВБЛ, Фунд. 185, лл. 364 об.—365. В печатном издании (Преподобный Нил Сорский. СПб., 1864, стр. 185) неверная, по нашему мнению, транскрипция: «Потому же наведе на ны...».

странное и определенное известие об этом выступлении содержится в так называемом «Письме о нелюбках старцев Кириллова и Иосифова монастыря». В этом письме рассказывается, как во время «собора о вдовых поех и диаконых», происходившего в 1503 г., «нача старец Нил глаголати, чтобы у монастырей сел не было, а жили бы черньцы по пустыням, а кормили бы ся рукоделием».⁷⁸ Хотя известие это содержится в относительно позднем источнике (30—40-е годы XVI в.), вдобавок грешащем явными анахронизмами и неточностями («письмо» утверждает, что на соборе 1503 «был старец Паисея Ярослав», в действительности умерший в 1502 г.),⁷⁹ оно, на наш взгляд, не может быть полностью отвергнуто: о каком-то выступлении Нила в 1503 г. против церковного землевладения говорится и в сочинении его ученика, Вассиана (хотя инициатива возбуждения этого вопроса там приписывается не Нилу, а самому князю);⁸⁰ намекает на это выступление (не называя имени Нила) и житие Иосифа, составленное неизвестным.⁸¹ Однако если даже выступление Нила в 1503 г. и имело место, то во всяком случае событие это относится к достаточно позднему моменту в его биографии — через несколько лет после 1503 г. Нил умер, и серьезные столкновения его учеников с иосифлянами произошли уже после его смерти. Выступление 1503 г. в той или иной степени могло вытекать из мировоззрения Нила, но его исходной точкой оно не было.

III

Говоря о мировоззрении Нила Сорского, исследователи обычно называют в качестве его наиболее характерной черты «критицизм», «принцип свободного критического исследования церковных источников». Эта черта, по их мнению, резко отличает Нила от Иосифа Волоцкого и иосифлян и даже сближает его с еретиками конца XV в.

На чем основывается представление о «критицизме» Нила, прочно укоренившееся в историографии?

В первую очередь здесь, как и в других случаях, важную роль играют источники, связанные с учеником Нила Сорского — Вассианом Патрикеевым. В одном из сочинений Вассиана — «Собрании от святых правил и от многих книг», направленном против Иосифа Волоцкого, содержится своеобразный диалог между ним и Иосифом Волоцким — обвинения Иосифа и опровержение их Вассианом. Иосиф, судя по этому диалогу, обвинял Нила и Вассиана в том, что они «похулиша не токмо в Руской земли чудотворцов, но иже и в древняя лета и в тамошних землях бывших чудотворцов, чудесам их не вероваша и от писания изметаша чудеса их». Хотя обвинение это было тут же опровергнуто Вассианом, заявившим, что «сие, Иосифе, лжеси на мя и на моего старца Нила» и что «чудес из их святых писаний ничего старец Нил не выкинул»,⁸² историки склонны были верить в данном случае Иосифу, а не Вассиану и предполагали, что Нил «скептически относился к чудесам некоторых святых».

Стремясь доказать это положение, исследователи обращались к рукописным памятникам, так или иначе связанным с Нилом Сорским, и искали в них конкретные примеры «трудов с оттенком критического направле-

⁷⁸ Прибавления к творениям святых отцов, ч. X, стр. 505.

⁷⁹ Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря... стр. XV—XLI.

⁸⁰ Православный собеседник, 1863, ч. III, стр. 206.

⁸¹ ЧОИДР, 1903, кн. III, стр. 37.

⁸² Православный собеседник, 1863, ч. III, стр. 208.

ния». Уже В. Жмакин в качестве конкретного примера Нилова «критицизма» приводил один из сборников житий «исправления старца Нила» (из Уваровского собрания), который он датировал XVI в.⁸³ А. С. Архангельский обратил внимание на две рукописи житий, более или менее современные Нилу (начала XVI в.) — одну из Кирилло-Белозерского монастыря (№ 23/1262) и другую из Троицко-Сергиевой лавры (№ 684). В обеих рукописях содержится предисловие, в котором составитель говорит, что, найдя «в списках оных многа неисправленна», он по возможности «сия исправлях»; в кирилловской рукописи имеется, кроме того, заключительная приписка, указывающая, что «сия жития и мучения преписаны с книги старца Нила, с его писания и исправления». Найдя в тексте обеих рукописей ряд пропусков, сопровождающихся заметками типа «от зде в списке неправо», «в списках преступлено зде» и т. д., А. С. Архангельский пришел к заключению, что обнаруженные им жития и являются теми «трудами с оттенком критического направления», за которые Иосиф Волоцкий порицал Нила.⁸⁴

Третьим и наиболее веским доказательством «критицизма» Нила исследователи считают его неоднократные высказывания о необходимости следовать «божественным писаниям» и прежде всего постоянно цитируемое во всех работах замечание из послания Гурию Тушину, что «писания многа, но не вся божественна суть».⁸⁵ В дополнение к этой цитате нередко приводятся также слова Нила из послания Герману, что он «наипаче» испытует «божественные писания, прежде заповеди господни и толкования их, и апостольские предания, таже жития и учения святых отец».⁸⁶ Высказывания эти, по мнению исследователей, не только свидетельствуют о склонности Нила противопоставлять друг другу священное писание, священное предание и святоотеческую литературу,⁸⁷ но и о его критическом отношении к самому «божественному писанию».⁸⁸

Такова в общих чертах аргументация исследователей, считающих Нила представителем «критического» направления. Попробуем разобраться в этой аргументации.

Из числа перечисленных аргументов наиболее сомнительным представляется нам свидетельство Иосифа в «Собрании» Вассиана. Прежде всего перед нами, как уже было отмечено, утверждение враждебно настроенного лица, которое тут же было решительно опровергнуто его оппонентом. Мало того, обратившись к самим цитатам Иосифа, приведенным у Вассиана, мы убедимся, что волоцкий игумен ставил в вину своим противникам не столько их недостаточную веру в чудотворцев, сколько совсем иные грехи. Пункт диалога между Иосифом и Вассианом, обвинявший их в недостаточной вере в чудеса, был лишь дополнением к предшествующим разделам, где шла речь о хуле на русских чудотворцев: «Нил и ученик его Васьян, — говорил Иосиф, — похулиша не токмо в Руской земле чудотворцев, но иже в древняя лета и в тамошних землях бывших чудотворцев». А в предыдущих разделах речь шла о «хуле» на «чудотворцев Антония и Феодосия» — основателей Киево-Печерского монастыря, и о том, что Нил и Вассиан отрицали право монастырей «сел дрѣжати».

⁸³ В. Жмакин. Митрополит Даниил..., стр. 34.

⁸⁴ А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 124—127

⁸⁵ ГПБ, Кир.-Бел. 25/1102, л. 101—101 об.

⁸⁶ ГПБ, Кир.-Бел. 101/1178, л. 219.

⁸⁷ В. Жмакин. Митрополит Даниил..., стр. 27.

⁸⁸ Ср., например: А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 134; М. С. Боровкова-Майкова. Великий старец Нил..., стр. 10.

Смысл слов Иосифа, приведенных Вассианом, становится еще более понятным, если сопоставить их с обвинениями против Вассиана, высказанными спустя ряд лет учеником Иосифа, митрополитом Даниилом, на церковном соборе. «Чюдотворцев, — обвинял Даниил Вассиана, — называешь смутотворца, потому что они у монастырей села имеют и люди». Возражая Вассиану, митрополит доказывал, что «и в ныняшня лета святии отци чюдотворци села к монастырем имели, но яко богу священо и возложено, твердо сохраняли и соблюдали, и ты почто мнишь и нынешних чюдотворцев страстных?». ⁸⁹ Считая владение селами и людьми несовместимым с чудотворством, Вассиан и его учитель подвергали тем самым, по мнению иосифлян, сомнению святость тех многочисленных чудотворцев «в Русской земле», а также «в тамошних землях», которые владели селами. Здесь перед нами, таким образом, не столько реальное рассуждение Нила и Вассиана, сколько вывод, навязанный им их противниками, — тенденциозный, хотя и не лишенный логики, полемический прием. К аналогичному полемическому приему прибегли спустя несколько столетий старообрядцы в своей борьбе с Никоном: если, говорили они, Никон отрицает святость русских церковных книг, существовавших до его реформы, то тем самым он «хулит» и чудотворцев, «спасшихся» по этим книгам.

Логически связанное с вопросом о владении «селами» обвинение в «хуле» на чудотворцев было, однако, облечено Иосифом в излюбленную им провокационно-инквизиторскую форму и дополнено обвинением, будто Нил и Вассиан «чюдесем их не вероваשא, и от писания изметаשא чюдеса их». Эта инсинуация и заставила Вассиана заявить, что Иосиф облыгает Нила «по страсти, яко человеконенавистник», и подчеркнуть, что «чудес из их святых писаний ничего старец Нил не выкинул, а наипаче исправил с иных с правых списках».

Последнее замечание Вассиана в значительной степени помогает нам разобраться и в тех житийных списках, в которых исследователи видели доказательство «критицизма» Нила Сорского. В каком смысле можно говорить о «критицизме» Нила в этих житиях? Филологическая критика церковных текстов в истории позднего средневековья действительно нередко переходила в критику их содержания, она обнаруживала противоречия между «писанием» и «преданием», разоблачала поздние подделки (например, критика так называемого «Дара Константина» в работах итальянского гуманиста Лоренцо Валла). Однако наряду с такой критикой содержания письменность средних веков издавна знала «критицизм» иного рода — внимательное отношение переписчиков к своим рукописным оригиналам, умение выбрать из нескольких списков более исправный, осторожное пользование сомнительным (прежде всего в смысле исправности текста) и противоречивым протографом. Было бы совершенно неправильно отказывать в такого рода умении работать над текстом русским средневековым книжникам и полагать, что они всегда механически следовали своим оригиналам. Яркие примеры осторожной и тонкой «текстологической» работы над оригиналом дают, например, памятники древнерусского летописания. Уже в летописном своде конца XII в., легшем в основу Лаврентьевской летописи, мы встречаем следы работы составителя над двумя противоречивыми источниками: встретив в одном из них указания, что призванный славянами Рюрик «седе Новогороде», а в другом — «седе в Ладозе», сводчик оставил пустое место после имени Рюрика, отмечая тем самым противоречивость источников. ⁹⁰ Сводку противоречи-

⁸⁹ ЧОИДР, 1847, № 9, стр. 3 и 6—7.

⁹⁰ М. Д. Приселков. История русского летописания. Л., 1940, стр. 80.

вых известий разных летописцев мы находим в Тверской летописи;⁹¹ критические замечания о недостаточной «доброте» использованного им «Лесицкого летописца» сделал составитель НЗЛ⁹² и т. д. Перед нами в данном случае, конечно, не проявление какого-либо религиозного «критицизма», а то элементарное умение работать над текстом, которое было достаточно знакомо лучшим из средневековых книжников. При этом необходимо отметить, что в своей «текстологической» работе книжники древней Руси отнюдь не интересовались только текстом ради текста, напротив, они очень хорошо понимали, какие важные практические выводы могут вытекать из использования того или иного варианта «писания»: именно поэтому московский великокняжеский летописец с таким возмущением указывал, что князь Юрий Дмитриевич Галицкий добивался престола «летописци старыми списками».⁹³ Такое же понимание важности того или иного варианта текста (или того или иного перевода с греческого) обнаруживал и ученик Нила, Вассиан, специально объяснявший в своей «Кормчей книге», что греческое слово «проастион» надо переводить как «пашни и винограды, а не села с житийскими христианами».⁹⁴ Однако ни Вассиан, ни его оппоненты иосифляне (ведшие аналогичную «текстологическую» полемику) отнюдь не становились из-за этого представителями «критического направления».

Какой же характер имеет «критицизм» в житиях святых, связанных с Нилом Сорским? До нас дошло четыре списка житий такого типа: два списка (с прямым указанием — «с книги старца Нила») из ГПБ (Кирилло-Белозерское собр., №№ 23/1262 и 141/1218) и два списка (без имени Нила, но с такими же предисловиями) из ВБЛ (Троицкое собр., №№ 684 и 685). Что касается Уваровского собрания (на которое обратил внимание В. Жмакин), то имеющийся в нем список «исправления старца Нила» написан в 1661 г.⁹⁵ и представляет собой в лучшем случае позднюю копию с оригинала Нила. Кирилло-Белозерские и Троицкие списки более или менее современны Нилу: они относятся к началу XVI в., но ни один из них, по всей видимости, не является автографом. Рукопись житий (письма Нила Сорского), хранившаяся в Волоколамском монастыре и известная археографам середины XIX в., до нас, к сожалению, не дошла.⁹⁶ Из дошедших до нас рукописей списки Кир.-Бел. 23/1262 (л. 596) и

⁹¹ ПСРА, т. XV, стлб. 108.

⁹² Новгородская летопись. СПб., 1879, стр. 111—112. Ср.: Д. С. Лихачев. О летописном периоде русской историографии. Вопросы истории, 1948, № 9, стр. 27—28.

⁹³ ПСРА, т. XVIII, стр. 132, прим. 7.

⁹⁴ Ср.: А. С. Павлов. О кормчей князя-инока Вассиана. Ученые записки Казанского университета по Отделению историко-филологических и политико-юридических наук, 1864, вып. II, стр. 494.

⁹⁵ ГИМ, Увар. 17. Ср.: Леонид. Систематическое описание славяно-русских рукописей гр. Уварова, ч. 2. М., 1893, № 1054, стр. 369—370.

⁹⁶ Наиболее подробное описание этой рукописи содержится в «Истории русской словесности» С. Шевырева (ч. IV, стр. 126, прим. 5 к двадцатой лекции); по словам Шевырева, рукопись эта хранилась в библиотеке Иосифова (Волоколамского) монастыря за № 637, 253 лл., вплоть до конца жития Паисия Великого «переписи старца Нила» (Сорского); окончена Нилом Полевым и в 1514 г. сдана в Волоколамский монастырь; рукопись включала жития, относящиеся и к первой (Симеон Столпник) и ко второй половине года (Онуфрий, Петр Афонский, Паисий, Филимон и т. д.). А. С. Архангельский, очевидно, уже не видел этой рукописи, ибо не привлек ее для решения вопроса о «критицизме» Нила (ср.: А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 27, прим. 67). В двух собраниях, сохранивших рукописи Волоколамского монастыря, — Епархиальном собрании ГИМ и Волоколамском собрании ВБЛ — этой рукописи в настоящее время нет. В фонде Волоколамского монастыря ЦГАДА среди «Отрывков житий и поучений» (№ 514) сохранилось 6 листов из житийного сборника конца XV — начала XVI в., содержащих как раз фрагмент жития Симеона Столпника, которое было в сборнике Нила.

141/1218 (л. 564) имеют точную дату — 7013 (1509) г. и прямое указание на переписчика — «многогрешного Гурия» (Тушина, рукой которого, однако, переписана лишь часть житий). Списки эти непосредственно примыкают друг к другу: список Кир.-Бел. 23/1262 содержит жития святых с сентября по февраль, список Кир.-Бел. 141/1218 — с февраля по август. Список Троицк. 685, полностью (судя по почерку) переписанный рукой Тушина, содержит одно декабрьское житие (Иоанна Безмолвника) и остальные — с апреля по июль. Список Троицк. 684 почти совпадает по составу с Кир.-Бел. 23/1262; имя переписчика в нем не названо, но почерк списка чрезвычайно напоминает руку известного церковного деятеля начала XVI в. Нила Полева.⁹⁷

Для решения вопроса о характере «критицизма» Нила Сорского наибольший интерес представляют списки ГПБ, Кир.-Бел. 23/1262 и ВБЛ, Троицк. 684, содержащие особенно значительные пропуски в тексте с пометками на полях: «в списке неправо», «в списке преступлено zde» и т. д. В Троицк. 684 эти пропуски в нескольких местах заполнены текстом, написанным на специальных вклейках; в Кир.-Бел. 23/1262 в соответствующих местах вставки внесены в текст, но иным почерком (рукой Тушина в текст, писанный другим лицом).⁹⁸ Сопоставление отдельных житий в обоих списках с соответствующими житиями в макарьевских Великих Минеях Четийх (в этой части изданными) помогает понять характер пропусков и «исправлений» Нила.

Уже в предисловиях и послесловиях к разбираемым сборникам житий мы встречаем указания, что составитель исправлял то, что было «многа неисправлена» в использованных им списках-оригиналах, «не согласующих в себе в исправлениях» (т. е. расходящихся между собой); о том, что Нил исправил переписанные им жития «с иных с правых списков», говорил и Вассиан. Отдельные лакуны и «исправления» сборников Кир.-Бел. 23/1262 и Троицк. 684 свидетельствуют о том, что предметом внимания и беспокойства Нила были в первую очередь чисто текстуальные погрешности в его оригиналах. В житиях мы встречаем пропуски в переводе трудных греческих слов,⁹⁹ географических терминов¹⁰⁰ и т. д. В житии Федора Студита оба разбираемых списка делают пропуск в том месте, где говорится о возрасте святого в момент наречения его игуменом: «... имея възраста лет [пропуск], а отнеле же в иноки причтется 30 имея лет».¹⁰¹ В соответствующем месте Великих Миней Четий читаем: «... пятое убо и тридесатное лето имея возрастию, отнеле же в мнихи причтется 30 имея всех лет».¹⁰² Это — явная путаница: если в возрасте 35 лет Федор уже 30 лет был монахом, то постричься он должен был пяти лет от роду; между тем в предшествующем тексте говорится, что Федор вступил в монашество, будучи взрослым человеком. Греческий текст жития объясняет происхождение этой ошибки: там говорится, что Федор до игуменства был монахом не 30, а 13 лет.¹⁰³ Тем самым выясняется и причина пропуска в разбираемых списках: в общем оригинале житийных сборников Нила и Великих Миней Четий была погрешность,

⁹⁷ Ср. сборник житий, переписанный Полевым (ВБЛ, Вол. 630, л. 1). В списке Нила Полева мы обнаруживаем тот же характерный пропуск в житии Феодосия, что и в Троицком и Кирилловском списках (ср.: Вол. 630, л. 56 об.; Троицк. 684, л. 314, и Кир.-Бел. 23/1262, л. 426).

⁹⁸ Троицк. 684, лл. 85 и 92; Кир.-Бел. 23/1262, лл. 50, 58 об.—59.

⁹⁹ Кир.-Бел. 23/1262, л. 388. Ср.: ВМЧ, янв. 6—11, стлб. 572 (ср. прим. 17).

¹⁰⁰ Кир.-Бел. 23/1262, л. 355; Троицк. 684, л. 262. Ср.: ВМЧ, дек. 1—5, стлб. 523.

¹⁰¹ Кир.-Бел. 23/1262, л. 72; Троицк. 684, л. 125.

¹⁰² ВМЧ, ноябрь 1—12, стлб. 373.

¹⁰³ ВМЧ, ноябрь 1—12, стлб. 373, прим. 2.

отразившаяся в обоих источниках, — там говорилось, что Федор 30 лет был монахом; понимая, что это несовместимо с 35-летним возрастом святого, составитель житийных сборников (видимо, Нил Сорский) пропустил указание на возраст Федора. Такого же происхождения и другие многочисленные пропуски в житиях — недаром, делая эти пропуски, составитель писал, что здесь «в списке преступлено», «и зде недостает», «в списке неправо» и т. д.; недаром в целом ряде мест житий эти пропущенные места были затем вставлены в текст (Нилом или его переписчиками). К числу таких заполненных пропусков относится, например, то место в житии Иоанникия, где говорится сперва о военных подвигах святого, а затем о его «уходе от мира». В обоих житийных сборниках здесь пробыл, заполненный затем краткой вставкой: «И по сих възжела отрещися мира... научает же ся от мужа искусна в добродетелех, глаголюще ему сице: О, любезне...»; в Троицком списке вставка эта сделана на отдельном листочке со специальной оговоркой: «Аще где в ином переводе обрящется известнейше сего, тамо да чтется».¹⁰⁴ Сравнение с ВМЧ опять объясняет происхождение данного «исправления»: там все это место (весьма пространное в греческом тексте жития) полностью пропущено и рассказ о военных подвигах Иоанникия бессмысленно переходит в речь «искусного мужа».¹⁰⁵ Ясно, что в оригинале житийных сборников и Минея был какой-то пропуск, который составители житийных сборников (Нил или его преемники) сумели кое-как заполнить, а составитель Минея не сумел. Пропуски в житийных сборниках соответствуют пропускам (иногда более обширным) в Минеях и в ряде других случаев: трижды в житии Кириака,¹⁰⁶ еще в одном месте в житии Иоанникия¹⁰⁷ и т. д. Во всех этих случаях речь идет о явных дефектах в оригиналах, общих житийным сборникам и Минеям.

Чисто текстуальный характер «критики» Нила в связанных с ним житийных сборниках уже обратил на себя внимание одного исследователя — К. В. Покровского. В своем реферате «К литературной деятельности Нила Сорского» (дошедшем до нас, к сожалению, только в виде краткого протокольного изложения) К. В. Покровский, отметив наличие совпадений между пропусками в житийных сборниках и в Минеях, пришел к выводу, что «критицизм» Нила относился лишь «к тексту, а не к содержанию житий».

Указав, что большинство пропусков в житийных сборниках, не находящихся соответствия в Минеях, «очень невелико по размеру и незначительно по содержанию» и что «содержание их опять-таки говорит о полнейшем отсутствии какой-либо полемическо-рационалистической мысли», К. В. Покровский отметил, однако, три пропуска в житиях, представляющих интерес с точки зрения идеологии: 1) пропуск в житии Кириака места о желании святого устроить «общежитие», 2) пропуск известия о подвижничестве и посте Илариона Великого и 3) пропуск известия о получении Саввой Освященным 1000 золотых на содержание монастыря. Хотя сам К. В. Покровский не придавал значения этим пропускам и считал их случайными, но его оппоненты увидели в них все-таки доказательство «критицизма» Нила; возражая Покровскому, Ф. Е. Корш

¹⁰⁴ Кир.-Бел. 23/1262, л. 50; Троицк. 684, л. 85.

¹⁰⁵ ВМЧ, ноября 1—12, стлб. 107, ср. прим. 7.

¹⁰⁶ 1) Кир.-Бел. 23/1262, л. 39; Троицк. 684, л. 29; ВМЧ, сент. 25—30, стлб. 2202; 2) Кир.-Бел. 23/1262, л. 39 об.; Троицк. 684, л. 29 об.; ВМЧ, сент. 25—30, стлб. 2202—2203; 3) Кир.-Бел. 23/1262, л. 41 об.; Троицк. 684, л. 31; ВМЧ, сент. 25—30, стлб. 2204.

¹⁰⁷ Кир.-Бел. 23/1262, лл. 58 об.—59; Троицк. 684, л. 92; ВМЧ, ноября 1—12, стлб. 113, прим. 6.

заявил, что «пропуски и особенно пропуск о посте очень характерны для Нила: они свидетельствуют об его критицизме».¹⁰⁸

Ознакомление с текстом житийных сборников полностью подтверждает, на наш взгляд, мнение К. В. Покровского о случайном характере трех указанных пропусков. Если бы пропуски эти вызывались не лакунами в оригиналах Нила, а были сделаны им сознательно, то они были бы приведены с той или иной степенью последовательности. Между тем, обращаясь к тексту других житий и даже к другим местам тех самых житий, где встречаются отмеченные Покровским пропуски, мы находим там в полной неприкосновенности упоминания и об общежительстве, и о посте, и о получении святыми денег от благотворителей. Большинство греческих святых, которым посвящены переписанные Нилом и его учениками жития, были монахами общежительных монастырей; обстоятельство это нисколько не замалчивается в житиях, среди которых одно даже озаглавлено «Житие преподобного отца нашего Феодосия общим житиам начальника».¹⁰⁹ Еще меньше склонны были Нил и его преемники «изменить» из житий упоминания о посте. В том же самом житии Илариона, всего двумя листами выше отмеченного К. В. Покровским пропуска, повествуется о том, как Иларион говорил своему телу: «Аз тя аки скот умучю... не напитаяю тя хлебом, но былием польским и жажею утомяю тя», и о том, как он «жестоким житием иссушаше плоть свою и порабощаше... да болезнью поста толма же утоми тело свое, яко едва костем его от тела съдержатися».¹¹⁰ Пропуск в житии Илариона относится не к вопросу о посте (здесь говорится о том, что Иларион «различная пощения поставляше»), а к подробному описанию «рациона» святого в разные годы его жизни, описанию сложному, которое содержало множество цифр и легко могло подвергнуться искажению в списке, служившем оригиналом для Нила Сорского. В рукописи Троицк. 684 пропуск в житии Илариона сопровождается обычным в таких случаях указанием на техническую погрешность в оригинале: «От зде в списках неправо».¹¹¹ В Великих Минеях Четиях житие Илариона дано в ином переводе с греческого и имеет, следовательно, другой русский оригинал.¹¹² То же самое можно сказать и о пропуске в житии Саввы. В житии этом многократно сообщается о получении святым денег для монастыря от целого ряда лиц (от его матери, принесшей сыну «злато много», от некоего незнакомца и т. д.); рассказывается здесь, в частности, о получении Саввой от императора «тысящи златник» и о том, как «отец наш Сава много злато посла от Цариграда к отечеству своему».¹¹³ Ясно, что пропуск совершенно аналогичного места о получении «1000 златников» от императора¹¹⁴ следует считать случайным.

Таким образом, житийные сборники, связанные с Нилом Сорским, не могут служить доказательством его «критицизма». Самый факт тща-

¹⁰⁸ Древности. Труды славянской комиссии Московского археологического общества, т. V. М., 1911, Протоколы, стр. 32—34. Краткое изложение реферата К. В. Покровского, к сожалению, совершенно не имеет научного аппарата, в связи с чем нам пришлось вторично произвести всю работу над рукописями, проделанную К. В. Покровским.

¹⁰⁹ Кир.-Бел. 23/1262, л. 383; Троицк. 684, л. 273. Пропуск упоминания об общежитии в житии Кириака см.: Кир.-Бел. 23/1262, лл. 37 об.—38; Троицк. 684, л. 28. Ср.: ВМЧ, сент. 25—30, стлб. 2201.

¹¹⁰ Кир.-Бел. 23/1262, л. 111—111 об.; Троицк. 684, л. 38.

¹¹¹ Троицк. 684, лл. 39 об.—40. В Кир.-Бел. 23/1262 пропуск также имеется, но он не оговорен в тексте и соответствующего пробела нет (л. 113).

¹¹² ВМЧ, окт. 19—31, стлб. 1688—1689.

¹¹³ Кир.-Бел. 23/1262, лл. 332 об. и 336.

¹¹⁴ ВМЧ, дек. 1—5, стлб. 531—532. Ср.: Кир.-Бел. 23/1262, л. 363—363 об.; Троицк. 684, лл. 268 об.—269.

тельной работы Нила над житийными списками, несомненно, заслуживает внимания: подбор Нилом тех или иных житий (и, может быть, тех или иных переводов житий), весьма вероятно, был как-то связан с его общими идеологическими позициями.¹¹⁵ Но критического отношения к священному «писанию» в этих житиях мы не обнаруживаем, как не обнаруживаем в них случаев сознательного пропуска Нилом «чудес» тех или иных святых.

Для понимания мировоззрения Нила Сорского наибольший интерес, конечно, представляют его собственные сочинения. Говоря о «критицизме» Нила, исследователи пытались найти, как мы уже отметили, главную опору в его заявлении (в послании Тушину) о том, что «писания многа, но не вся божественна суть». Можно ли, однако, понимать эти слова в смысле противопоставления «божественного писания» (т. е. Библии) остальной церковной литературе, например писаниям «святых отцов»?

В древнерусском языке слово «писание» имело достаточно широкий смысл: оно обозначало всякое письменное сочинение или запись («обличители» говорили, например, о «писаниях» стригольников).¹¹⁶ Церковь, издавна прославлявшая «почитание книжное», издавна же стремилась отделить от заслуживающей «почитания» «божественной» литературы «ложная писания», «богоотметныя и ненавидимыя книги». Перечни «отреченных книг», проникавшие из Византии, не раз появлялись на Руси: в конце XIV в. такой перечень был выпущен митрополитом Киприаном, в конце XV в. — митрополитом Зосимой.¹¹⁷ Стремление выделить из массы «писаний» литературу «божественную» и, наоборот, литературу, не заслуживающую доверия, было свойственно и церковному деятелю XV в., которого историки обычно особенно резко противопоставляют Нилу, — Иосифу Волоцкому.

В «Сказании от божественных писаний, яко его же бог не повеле ведати, о сих не подобает пытати» (вошедшем впоследствии в «Просветитель» в качестве 8-го «слова») были подчеркнуты, например, критике те «писания», в которых предсказывалась та или иная определенная дата «конца мира»: «... устремившася нещии рещи и написати, яко по Христове воскресении тысяща лет до антихристова прихода... Абие нещии нача домышляти его седморицен есть век настоящий» и т. д. Этим «писа-

¹¹⁵ В этом отношении заслуживает внимания одно любопытное отличие текста рассматриваемых житийных сборников от минейного текста, бывшего в распоряжении иосифляне. В житии Николая Студита, содержащегося в Великих Минеях Четиях, рассказывается, как этот святой, «видя беззаконие многое», творившееся по вине императора, оставил монастырь и «иде в Пренет село монастырское»; далее упоминается, как он, «изгнан быв из сел монастырских, скитаяся пребываше» (ГПБ, Соф. 1320, л. 36 б, с); иосифляне видели в этом месте столь важный аргумент в пользу исконности монастырского землевладения, что Даниил цитировал его во время суда над Вассаном в 1531 г. (ЧОИДР, 1847, № 9, Смесь, стр. 6). В житийных сборниках мы читаем в соответствующих местах, что Николай Студит «иде в Пренет в монастырское место» и «изгнан быв скиташеся» (Кир.-Бел. 23/1262, лл. 587 об. и 588 об.; Троицк. 684, лл. 465 об. и 466 об.). Сборники, связанные с Нилом, вернее передают греческий оригинал, чем Великие Миней Четии: в оригинале упоминается «страннопримный дом» монастыря (ταύτης καταγωγῆς), а отнюдь не село, и речь идет о монастырских владениях вообще (τῶν οἰκείων, Patrologia graeca, CV, столб. 908—909). Откуда произошло замеченное нами расхождение: фальсифицировали ли иосифляне житие Николая Студита или искажение было уже в раннем тексте перевода, и Нил исправил его по греческому оригиналу? Для ответа на этот вопрос надо найти русский перевод жития Николая Студита ранее конца XV в. (если такой перевод вообще существовал до Нила); нам такой текст неизвестен.

¹¹⁶ Срезневский, Материалы, т. II, СПб., 1902, столб. 934—935.

¹¹⁷ РИБ, т. VI, СПб., 1908, столб. 789, № 117.

ниям нецых» (сочинению Никифора Ксанфопула и др.) противопоставлялись здесь «божественная писания».¹¹⁸

Нил Сорский, очевидно, также хотел внести какую-то дифференциацию в огромную массу «писаний». Какое же «писание» он считал «божественным» и какое не считал?

Анализ многочисленных высказываний Нила Сорского о «божественных писаниях» дает основание утверждать, что Нил (в отличие от еретиков XV в.) ни в какой мере не был склонен к противопоставлению каких-либо сочинений «святых отцов» «пророческому, евангельскому и апостольскому писанию». Напротив, через все творчество Нила Сорского проходит одна тема: прославление «преданий святых отец», которых он читает рядом и наравне с «божественными писаниями». «Не просто... подобает нам творити дела кая, но по божественных писаниях и по преданию святых отец... Творя по святых писанию и по жительству святых отец, благодатию Христовою не погресиши...», — писал он в послании Герману.

Такой же смысл имеет, по нашему мнению, и часто цитируемое высказывание из того же послания: «Наипаче испытую божественнаа писания, преже заповеди господня и толкования их, и апостольскаа предания, таже жития и учения святых отецъ, и тем внимаю». Порядок, в котором перечисляет здесь Нил «божественнаа писания», вовсе не свидетельствует о каком-либо противопоставлении им «учений святых отецъ» «заповедям господним»; такой порядок (сперва библейские тексты, затем апостольские и, наконец, святоотеческие) был испокон века свойственен церковно-полемической литературе и встречается у того же Иосифа Волоцкого.¹¹⁹ Характерно также, что хотя «жития и учения святых отецъ» у Нила названы по порядку позже, чем остальное «писание», но «толкования» на «заповеди господни» (т. е. по существу та же святоотеческая литература) здесь следуют непосредственно за самими «заповедями» (раньше «апостольских преданий»), в полном согласии с советом Иосифа Волоцкого дополнять «малые главизны» «божественных писаний» сочинениями «святых и божественных отцов и учителей».¹²⁰

«Тщися делати заповеди божия и предания святых отецъ», — читается в послании Гурию Тушину. Свой «Устав» Нил прямо охарактеризовал как сочинение, написанное «от писаний святых отецъ». Теснейшим образом сближая «святые писания» с сочинениями «отцов», он писал: «Събрав от святых писаний, еже рекоша о сих духоноснии отци. От святых писаний мало от многих събрах, якоже нес от крупцъ падающих трапезы словес господий своих блаженных отецъ... Написахом... от богодуховенных писаний святых отецъ...». Содержание «Устава» и других сочинений Нила подтверждает эту характеристику: произведение это действительно теснейшим образом связано с греческой патристикой и является в значительной степени изложением и развитием взглядов Нила Синайского, Иоанна Лествичника и других «отцов церкви».¹²¹

О противопоставлении Нилом Сорским «божественного писания» святоотеческой традиции (характерном для еретических и реформационных движений) не может быть, таким образом, и речи. Кому же и чему

¹¹⁸ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения... Приложение, стр. 398, 400—401.

¹¹⁹ Ср., например, Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения... Приложение, стр. 365 и 409—413.

¹²⁰ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения... стр. 364—365.

¹²¹ А. С. Архангельский. Нил Сорский... стр. 139—183.

противопоставлял Нил Сорский пропагандируемый им принцип следования писанию?

Ответ на этот вопрос дает уже отчасти послание Нила Герману Подольному. Послание это, как мы знаем, написано в связи с уходом Нила из Кириллова монастыря и его «бранью» с оставшимся в монастыре Германом. Нил, по его собственным словам, ушел из монастыря, убежденный в том, что творящиеся там дела могут принести вред его душевному спасению («неползы ради душевная»), «занеже не видя ныне хранима жительства закон божиих, по святых писаниих и преданию святых отецъ, но по своих волях и умышленных человеческих». Тех же кирилловских монахов имеет в виду Нил и ниже, когда пишет: «Жестока убо достойно онем, иже не хотят истинно смиритися в страсе господни и плотских мудрований отступитьи, но по своих волях страстных жити, а не по святая писании». ¹²² Нам не известно, какой именно из борющихся в монастыре партий (сторонникам великого князя или его противникам) Нил ставил в вину «плотские мудрования», но ясно, что во всех этих филиппиках против «своеволия» он имел в виду отнюдь не современную ему церковную догматику или «писания святых отецъ», а именно укоренившиеся в монастырской практике уклонения от «жительства закон божиих».

Сходные выводы позволяют сделать и послание Нила Гурию Тушину. Для понимания этого послания, как и послания Герману, необходимо прежде всего определить обстоятельства и время его написания. Послание это написано в ответ на несколько вопросов Гурия и содержит ряд советов, непосредственно ему адресованных, в том числе и совет, «как отступитьи от мира». Очевидно, такие советы можно было давать только лицу, поступающему в монастырь, или же молодому новопостриженному иноку. Дата пострижения Гурия Тушина известна нам из его летописчика: он постригся в 1479 г., когда Нил был уже «старцем» Кириллова монастыря и, естественно, мог давать наставление молодому монаху. ¹²³ В 1485 г. Гурий стал игуменом монастыря — давать ему после этой даты указания, «как отступитьи от мира», было бы совершенно неуместно. Таким образом, послание Тушину было написано в конце 70—начале 80-х годов XV в., в период, когда, как мы уже знаем, в Кирилловом монастыре и вокруг него шла ожесточенная политическая борьба. Эту-то борьбу в монастыре и имел в виду Нил Сорский, когда он, отвечая на вопрос, «как отступитьи от мира», советовал Гурию «не приобретать» к «мирская мудрствуищим», но вместе с тем и не «наскакати» на них «речми». ¹²⁴ Речь идет здесь не о полемике между противниками и защитниками церковного землевладения вообще ¹²⁵ и уже, конечно, не о спорах с иосифлянами (Иосиф Санин в 1479 г. только основал свой монастырь), а, несомненно, о той ожесточенной борьбе (связанной, конечно, с вопросами «монастырского богатства и стяжания»), в которую сразу же по поступлении в монастырь оказался вовлеченным молодой инок.

Но в послании Гурию Тушину Нил выступает не только против «мирская мудрствующих». Кроме вопроса, «как отступитьи от мира», он отвечает еще на один вопрос: «как не заблудити от истиннаго пути». Если в «мирские мудрствования» люди впадают от «неразумна божественных

¹²² Кир.-Бел. 101/1178, л. 220 об.

¹²³ ГПБ, Соф. 1468, л. 177—177 об.

¹²⁴ ГПБ, Кир.-Бел. 25/1102, л. 100—100 об.

¹²⁵ Так толкуют цитируемое место П. Николаевский (ЖМНП, 1868, № 4, стр. 167), С. Виланский (Послания старца Артемия. Одесса, 1906, стр. 163), М. С. Боровкова-Майкова (статья «Нил Сорский» в «Истории русской литературы», т. II, ч. 1, стр. 321—322).

писаний», то к «заблуждению от истинного пути» приводит, согласно Нилу, иная причина — излишнее внимание к «писаниям» не-«божественного» характера. Именно против этой опасности и направлено предостережение Нила: «...писания бо многа, но не вся божественна суть». ¹²⁶ «Елици разътленем разумом творят дело божие, — указывает Нил, — сии погрешают от праваго пути». ¹²⁷ Что же это за «заблуждение от истинного пути», к которому может привести недостаточно осторожное изучение «писаний»? Конец 70—начало 80-х годов XV в. были не только временем борьбы между отдельными группами церковников. К этому времени относятся и первые упоминания об опасном «заблуждении от истинного пути», появившемся на Руси, — новгородско-московской ереси.

Еще до 1479 г. Иосифом Саниным было написано первое сочинение против еретиков — «Послание архимандриту Вассиану о Троице»; ¹²⁸ в 1480 г. главные новгородские еретики Алексей и Денис были переведены в Москву; благоволивший им великий князь поручил Алексею и Денису служить в главных московских храмах. К 80-м годам относятся и некоторые дошедшие до нас «писания» еретиков (книги Ивана Черного). Нам представляется поэтому, что, отвечая на четвертый вопрос Тушина, Нил предостерегал молодого монаха против наиболее опасного «заблуждения от истинного пути», появившегося в те годы, — против ереси. ¹²⁹

IV

Ни сочинения Нила Сорского, ни памятники, косвенно связанные с ним, не дают оснований для того противопоставления его взглядов ортодоксальному религиозному мировоззрению, которое часто встречается в исторической литературе. Полемическое острое послание Нила было направлено не против церковных «писаний», а против отдельных злоупотреблений в монастырской практике и против «разътленных разумом» еретиков. Эта позиция Нила (как и некоторые данные его биографии) позволяет говорить об определенной близости между Нилом и другим крупным церковным и политическим деятелем того времени — Иосифом Волоцким. Изучая краткую редакцию «Устава» Иосифа Волоцкого, мы обнаруживаем в ней такое же стремление к очищению монастырского быта от «плотских» и «мирских» мудрствований и к укреплению монастырской дисциплины, как и в сочинениях Нила; как и Нил, Иосиф выступал за обязательное «рукоделие» (физический труд) для монахов и против всякой личной собственности в монастыре (что касается земельной собственности монастыря в целом, то за ликвидацию ее в прямой и определенной форме до 1503 г. не выступал и Нил). ¹³⁰ Идейная близость приводила и к прямому сотрудничеству между ближайшими сподвижниками Иосифа и Нила: ученики Иосифа, Нил Полев и Дионисий Звенигородский, жили в заволжских скитах и участвовали, по-видимому, в литературных трудах сорской школы; сочинения Нила Сорского переписывались и хранились в Волоколамском монастыре. ¹³¹ В этом отношении значитель-

¹²⁶ ГПБ, Кир.-Бел. 25/1102, л. 101—101 об.

¹²⁷ ГПБ, Кир.-Бел. 25/1102, л. 102—102 об.

¹²⁸ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения... Приложение, стр. 305.

¹²⁹ С. Вилинский также считает, что данное высказывание Нила направлено против еретиков (С. Вилинский. Послания старца Артемия, стр. 163).

¹³⁰ Подробнее об этом см. нашу статью «Краткая редакция Устава Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлянства» (ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 125—126).

¹³¹ См. выше, стр. 198—199. Ср. нашу статью «Краткая редакция Устава Иосифа Волоцкого...» (стр. 123—125).

ный интерес представляют уже рассмотренные нами житийные сборники, связанные с Нилом Сорским. Независимо от того, насколько точно или «критично» передавал Нил свои источники, самая попытка систематизации русских текстов житий греческих «подвижников» была важным фактом в истории церковной литературы и в какой-то степени предвосхищала создание иосифлянских Великих Мчней Четий.

Однако, если основная цель преобразований, предлагаемых Иосифом и Нилом, представляется нам сходной, то из этого вовсе не следует, что и сами преобразования, предложенные ими, могут считаться идентичными. Сопоставление сочинений обоих церковных реформаторов говорит не только о сходстве, но и о существенной разнице между конкретной программой Иосифа Волоцкого и Нила Сорского.

С наибольшей ясностью различие между обоими авторами обнаруживается при сравнении «Устава» Иосифа Волоцкого с «Уставом» Нила Сорского. Композиционное построение обоих «Уставов» совпадает: оба они состоят из 11 «слов». Но содержание «слов» резко расходится в обоих памятниках: если «слова» Иосифа посвящены практическим вопросам монастырского быта — «о соборной молитве», «о пище и питии», «о еже не беседовати на трапезе», «о одеждах и обушах» и т. д.,¹³² то Нила интересуют совсем иные вопросы, связанные с внутренним душевным состоянием монаха: «о различии еже на нас мысленные брани», «о борении нашем еже к сим», о «мысленном подвиге», о «начальнейших помыслах» и т. д.¹³³ Для изложения вопросов монастырского быта Нилу было вполне достаточно его краткого «Предания»;¹³⁴ свое наиболее значительное и программное сочинение — «Устав» — он посвятил гораздо более важной с его точки зрения теме духовного самосовершенствования инока.

Идея духовного подвижничества, «умного делания» представляется нам наиболее характерной особенностью мировоззрения Нила Сорского. Интерес к этим вопросам не был исключительной особенностью Нила. Идеи внутреннего самосовершенствования встречаются в сочинениях некоторых московских еретиков конца XV в. Еретик Иван Черный специально оговаривал в приписке к «Еллинскому летописцу», что весь церковный «закон едином словом скончается, еже любити бога и ближняго»; он же переписывал (с особыми «тълкованиями») известный памятник византийской аскетической литературы — «Лестницу» Иоанна Симайского.¹³⁵ «Начальник» московских еретиков, Федор Курицын, в своем «Лаодикийском послании» цитировал слова одного из главных представителей аскетически-созерцательного направления в византийской патристике — Исаака Сирина: «Страх божий начало добродетели».¹³⁶ Вопросы «умного делания» привлекали и представителя противоположного лагеря — Иосифа Волоцкого: рукой Иосифа было переписано сочинение второго (наряду с Исааком Сиринским) виднейшего представителя византийской аскетики, Симеона Нового Богослова, включая и его знаменитое рассуждение о «фаворском свете» — «о мысленном откровении действенаго божественнаго света и деланыи умном и божественем добродетельнаго живота».¹³⁷ Но если в твор-

¹³² Я. С. Лурье. Краткая редакция Устава Иосифа Волоцкого..., стр. 120.

¹³³ Нила Сорского Предание и Устав, стр. 15 и сл.

¹³⁴ Нила Сорского Предание и Устав, стр. 5—9.

¹³⁵ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения..., Приложение, стр. 278—280, ср. стр. 184—185.

¹³⁶ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения..., стр. 173.

¹³⁷ ГИМ, Епарх. 357/536, лл. 311 об.—312. На л. 1 этой рукописи помета: «А се сборник и письмо и собрание старца и отца нашего Иосифа. А вынесл его из мона-

честве других идеологов конца XV в. этот момент был, по-видимому, относительно второстепенным, то у Нила аскетизм и мистика являлись одной из наиболее характерных особенностей. Эта особенность сближала Нила Сорского с византийскими писателями мистического направления, «исихастами», такими, как Григорий Синаит, Григорий Палама и др. У византийских мистиков Нил Сорский, по-видимому, заимствовал идею «умной» (внутренней) молитвы, психологический анализ развития «страстей» и т. д.¹³⁸

В чем смысл мистической направленности в учении Нила Сорского? Роль мистики в развитии средневековой идеологии довольно сложна. Мистика — учение о возможности непосредственного общения человека с богом — в какой-то степени присуща всякому религиозному мировоззрению; мистическое направление существовало в средние века и в римско-католической и в греко-православной церкви. Иногда, как отмечает Энгельс, мистические учения играли роль одной из форм, в которых находила выражение «революционная оппозиция феодализму».¹³⁹ Однако в большинстве случаев мистические учения отнюдь не противостояли официальной церкви и не порывали с церковной ортодоксией. Различие между двумя направлениями средневековой мистики определялось в первую очередь их разным отношением к феодальной церковной организации: «революционной оппозицией феодализму» мистика становилась лишь в том случае, если она во имя прямого общения человека с богом объявляла ненужными церковь и внешние формы культа.

Едва ли необходимо доказывать, что мистицизм Нила Сорского не был проявлением «революционной оппозиции феодализму». В отличие от еретиков XV—XVI вв., ни Нил Сорский, ни его ученики никогда не выступали против обрядов; в XVI в. одному из наиболее последовательных нестяжателей, Артемию, пришлось во время его пребывания в Литве даже выступить с развернутой апологией внешних форм культа против еретика Феодосия Косого.

Уже учителя Нила, византийские «исихасты», были вполне ортодоксальны по своим взглядам на церковную организацию: в ходе религиозной борьбы XIV в. именно «исихасты» получили поддержку официальной церкви; еретиками были признаны их противники, сторонники изучения светской античной науки — «варлаамиты» (опиравшиеся на городские массы).¹⁴⁰ Но Нил Сорский был еще умереннее византийских «исихастов». Г. Левицкий, единственный исследователь, обративший внимание на своеобразие взглядов Нила по сравнению с его учителями (хотя и исключительно в богословском плане), уже отметил, что у Нила совершенно отсутствует свойственное восточной аскетике учение «о нормальном человеке», «о добродетели как состоянии, естественным образом развивающемся из заложенных в природу человека добрых задатков».¹⁴¹ А между тем именно это учение о «первоначальном единении бога с человеком» и

стыря Досифей и прислал из Саватьева». Рук. Иосифа Волоцкого, по-видимому, написан текст на лл. 2—15 об. и 17—333 об. О «фаворском свете» ср.: А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 170—172. Ссылку на Симеона см. ВМЧ, столб. 513.

¹³⁸ А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 177—178; С. Вилинский. Послания старца Артемия, стр. 315—341.

¹³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 129.

¹⁴⁰ Ф. И. Успенский. История Византийской церкви, т. III. М.—Л., 1948, стр. 708—714.

¹⁴¹ Работа Г. Левицкого издана, к сожалению, только в виде краткого отчета о его занятиях; см.: Отчет профессорского стипендиата Г. Левицкого о занятиях в 1889—90 г. Христианское чтение, 1895, вып. 2—3, Протоколы заседаний совета СПб. духовной академии, стр. 332—335.

составляло основную теоретическую предпосылку учения «исихастов», сближая их с западными мистиками Экартом и Таулером,¹⁴² в свою очередь оказавшими влияние на Томаса Мюнцера.¹⁴³ Если у «исихастов» их «психологические» упражнения имели целью восстановить в человеке его первоначальную «добродетельность», то у Нила, по справедливому замечанию Левицкого, «психологические наблюдения заносятся в устав лишь настолько, насколько план может найти в них практическое средство для целесообразного ведения борьбы с пороками».¹⁴⁴ «Насколько в изложении Нила скрадывается положительная сторона совершенствования, настолько бьет в глаза отрицательная... У него... все внимание поглощено „борьбой“ и подавлением зла».¹⁴⁵

Эта особенность Нилова аскетизма позволяет, на наш взгляд, правильно понять отношение его воззрений к взглядам новгородско-московских еретиков. О совпадении между идеями внутреннего самосовершенствования у Нила Сорского и аналогичными идеями у еретиков можно говорить лишь в том смысле, в каком мы говорим о связи между программой личного нестяжания монахов у Иосифа Волоцкого (и у того же Нила) и еретической критикой корыстолюбия духовенства. Новгородский еретик Захар отвергал всю иерархию как поставленную «по мзде»; московские еретики выступали против монашества; Иосиф и Нил отвечали на это планами внутреннего переустройства и усовершенствования монастырского уклада. Точно так же еретики провозглашали, что весь церковный «закон» «скончается» заповедью любви к ближнему; Нил Сорский призывал к духовному подвижничеству, желая усовершенствовать монахов и сохранить церковь и обряды.

Как и программа Иосифа Волоцкого, программа Нила была по своему характеру не реформационна, а контрреформационна. Но конкретные пути этой контрреформации были у Нила несколько иными, чем у иосифлян. В центре внимания Иосифа лежала внешняя обрядность, обязанности инока по отношению к монастырю в целом; Нила интересовало главным образом индивидуальное самосовершенствование и «умное деланье» инока. С этой особенностью мировоззрения Нила была связана и та сторона его учения, которой предстояло сыграть наибольшую роль в социально-политической борьбе XVI в. Наилучшей формой организации монашества, по воззрениям Нила, был маленький скит на два-три человека: «с едином или с двема безмолвие».¹⁴⁶ Формально такое «пустынничество» не противостояло резко общежительным идеалам Иосифа Волоцкого: в краткой редакции «Устава» Иосиф в подкрепление своих нестяжательских принципов ссылался между прочим и на монахов, живущих «в пустыне».¹⁴⁷ 11-е «слово» своего «Устава», излагающее его план организации скитского «жития», Нил направил не против общежития, а в первую очередь против одиночного отшельничества, порождающего «высокоумие». Против монахов-одиночек были направлены и другие сочинения Нила, например переведенное им поучение «О мнисиех кружащих стяжаний ради».¹⁴⁸ В этом отношении Нил Сорский не расходился с офи-

¹⁴² К. Радченко. Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898, стр. 61—68 и 71—72.

¹⁴³ М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера. М., 1955, стр. 171—229.

¹⁴⁴ Отчет профессорского стипендиата Г. Левицкого... стр. 303—304.

¹⁴⁵ Отчет профессорского стипендиата Г. Левицкого... стр. 343—344.

¹⁴⁶ Нила Сорского Предание и Устав, стр. 87.

¹⁴⁷ ГПБ, Сол. 346/326, л. 28.

¹⁴⁸ См.: А. С. Архангельский. Нил Сорский... стр. 72. Ср.: М. С. Борова-Майкова. К литературной деятельности Нила Сорского, стр. 3.

циальной церковной практикой того времени: против монахов-отшельников, строящих себе по собственному почину келью в пустыне», высказывался в сер. XVI в. и «Стоглав».¹⁴⁹ Однако, резко не противореча общежительному плану Иосифа, принцип «жития» с «единым или множае двумя братама» на деле все-таки существенно отличался от него. Нил недаром называл этот принцип «средним путем» в отличие от «уединенного ошельства» и «общего жития».¹⁵⁰ На практике маленькие скиты в два-три человека нередко вырастали потом в общежительные монастыри; но Нил, очевидно, видел в них не временный этап, а наилучший вид монашеского устройства. Между тем вопрос об устройстве монастырей, как это, конечно, не могли не понимать современники, был неразрывно связан с вопросом о монастырском землевладении: скиты не нуждались в земле и крестьянах для ее обработки. Именно это обстоятельство и определило возможность выступления Нила Сорского с поддерживаемой секуляризационных планов Ивана III в начале XVI в.

Каковы же были социальные корни программы Нила Сорского, идеологию каких именно общественных слоев она отражала? Вопрос этот представляется нам довольно сложным; для правильного ответа на него необходимо прежде всего отделить мировоззрение самого Нила Сорского от тех логических выводов, которые были сделаны из его взглядов в более позднее время.

Ни в посланиях Нила, ни в его «Уставе» нет ничего такого, что позволяло бы (как это нередко делают историки) видеть в нем боярского идеолога. Не представляется нам достаточно убедительным и высказанный И. У. Будовницем взгляд на Нила как на выразителя «умонастроения патриархального крестьянства».¹⁵¹ Характеристика патриархального крестьянства, данная В. И. Лениным в его статьях о Л. Н. Толстом, относится к началу XX в., когда в России преобладал капиталистический уклад и патриархальная деревня «отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и фиску»;¹⁵² для XV в. едва ли можно вообще выделять «патриархальное крестьянство» как особую социальную группу. В памятниках письменности древней Руси нам трудно встретить отражение крестьянской идеологии; единственным исключением в этом отношении можно считать, пожалуй, холопа-еретика XVI в. Феодосия Косого.

Программа умеренных реформ (точнее, контрреформ) монастырского уклада, предложенная Нилом Сорским, ни в какой мере не была антифеодальной, напротив, она имела своей целью укрепление феодальной церкви; теоретические воззрения Нила также никак не противоречили господствующей религиозной идеологии. Как и Иосиф Волоцкий, Нил Сорский был, по нашему мнению, идеологом духовенства, т. е. одной из групп класса феодалов; но, в отличие от Иосифа, Нил был связан прежде всего с черным духовенством русского севера, «Заволжья». Отсюда — некоторые своеобразные черты его учения. Северная, «заволжская» Русь представляла собой, как известно, ту область, где прочнее и шире всего сохранилось черное крестьянское землевладение. Здесь открывались наиболее широкие возможности для монастырской и светской феодальной колонизации, но здесь же эта колонизация наталкивалась на наибольшее сопротивление со стороны крестьянства. Нам уже известно, какой бурной и острой политической борьбой сопровождалось расширение вотчины Кириллова монастыря — места монашеского пострига Нила. Активное противодействие соседей мо-

¹⁴⁹ Стоглав, изд. Кожанчикова СПб., 1863, стр. 49

¹⁵⁰ Нила Сорского Предание и Устав, стр. 87.

¹⁵¹ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в., стр. 81.

¹⁵² В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 15, стр. 183.

настыря, и в первую очередь белозерского черного крестьянства, было, по справедливому предположению А. И. Копанева, главной причиной, воспрепятствовавшей дальнейшему расширению монастырской вотчины с конца XV в.¹⁵³ Группа «старцев», стоявшая во главе монастыря в конце века, отнюдь не держалась нестяжательских взглядов (как думал Н. К. Никольский), напротив, монастырская верхушка вела непрерывные тяжбы с соседями, «перелезавшими» на монастырские земли; но самая необходимость таких тяжб не могла не встревожить наиболее вдумчивых представителей монашества. Дальнейшая монастырская колонизация на севере могла идти, очевидно, не столько за счет расширения уже существующих больших общежительных монастырей, сколько за счет маленьких скитов, вновь создаваемых на еще не освоенной территории. Этому направлению монастырской колонизации Заволжья и соответствовал «средний путь», предложенный Нилом Сорским.

Таково было первоначальное объективное значение программы Нила Сорского. Но если в конце XV в. проповедь Нила об истинном «отступлении от мира» имела практическое значение главным образом для Заволжья, то уже в первые годы XVI в. деятельность учеников Нила придала его учению совсем иное звучание. Говоря об этих учениках Нила, о первых нестяжателях, выступивших против иосифлян, следует прежде всего отметить одну их характерную особенность: почти все они люди аристократического происхождения. Выходца из посадской среды Нила Майкова окружали князата и представители крупных боярских родов.¹⁵⁴ Двое из них нам уже известны: это Гурий Тушин, сын боярина Михаила Александровича Квашнина-Тушина,¹⁵⁵ и Герман Подольный, человек «от благородного корене», близко связанный с родом Сорокоумовых-Глебовых¹⁵⁶ (виднейший представитель этого рода Иван Ощера-Сорокоумов подвергся в конце XV в. великокняжеской опале).¹⁵⁷ С 1499 г. среди окружения Нила появилась новая фигура — насильственно постриженный в монахи князь Василий-Вассиан Патрикеев; Нил написал этому молодому аристократу утешительное послание примерно такого же содержания, какое он посылал к князю Константину-Кассиану Мавнуцкому.¹⁵⁸ Знатного происхождения был и еще один ученик Нила — князь Иван-Иннокентий Охлебинин.

В идеологии этих аристократических сподвижников Нила собственно нестяжательство и отказ от «мирских мудрствований» играли очень скромную роль. Герман, как мы уже знаем, остался в Кирилло-Белозерском монастыре, когда из него ушел Нил, и между ними даже возникла «брань» по этому вопросу. Гурий Тушин был постриженником сугубо «стяжательного» игумена Нифонта, а спустя несколько лет после пострижения он стал (вероятно, именно благодаря своему знатному происхождению) игуменом монастыря. Ко времени Гурия (1485 г.) относится одно из столкновений монастыря с его соседом, И. Г. Монастыревым, из-за земли.¹⁵⁹ Глава крупнейшего общежительного монастыря-землевладельца Гурий Тушин не обнаруживал враждебности и по отношению к другим общежитель-

¹⁵³ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., стр. 193—200.

¹⁵⁴ Ср.: Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь..., стр. 180—181.

¹⁵⁵ Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь..., стр. 174.

¹⁵⁶ Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря..., стр. XXXVI и XL.

¹⁵⁷ К. В. Базилевич. Новгородские помещики из послужильцев. Исторические записки, № 14. 1945, стр. 70—71.

¹⁵⁸ ГПБ, Кир.-Бел., № 25/1102, лл. 90 об.—97.

¹⁵⁹ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., стр. 106.

ным монастырям. Когда молодой сородич Гурия (четвероюродный брат), Андрей Невежа Квашнин, постриженный в Иосифовом Волоколамском монастыре, сбежал оттуда и явился в «обитель святого чудотворца Кирила», Тушин (которого в этом случае житие Иосифа почтительно именует «старцем многолетним и честным», «иже живой житием крепким зело») «повеле его скоро возвратити назад в обитель отца Иосифа».¹⁶⁰ Именно Андрею Невеже, как мы можем предполагать, принадлежит сохранившееся в одном из волоколамских сборников анонимное послание, которое А. С. Архангельский совершенно неосновательно считал посланием Нила Сорского Паисию Ярославову. Автор послания просит прощения у адресата (очевидно, Гурия Тушина) за то, что после того, как тот его «в гостиницу-киновию Иосифову послал», он, не терпя «удаления от великого пастыря», к которому привык «от пелен», вернулся к нему.¹⁶¹

Аристократические сподвижники Нила Сорского придали его учению новый смысл и характер. На полемику с иосифлянами учеников Нила толкнула, по-видимому, не враждебность к «стяжательству» Иосифа, а совсем иные, политические причины.

После собора 1503 г., на котором сторонники Иосифа отстаивали неприкосновенность церковных имуществ, и после собора 1504 г., на котором они добились казни московских еретиков, Иосиф Волоцкий и его приверженцы превратились фактически в правящую группировку в русской церкви. В 1507 г. произошло событие, которое сделало Иосифа еще более влиятельной фигурой в Русском государстве: «отказавшись от удельного волоцкого князя, Иосиф передал свой монастырь под непосредственную юрисдикцию великого князя Василия III. Переход Волоколамского монастыря под патронат великого князя повлек за собой целую цепь событий: в 1508 г. новгородский архиепископ Серапион, возмущенный самовольством волоколамского игумена, отлучил его от церкви, а в 1509 г. высокие покровители Иосифа, великий князь Василий Иванович и митрополит Симон, лишили Серапиона за этот поступок сана и заточили его в монастырь».¹⁶² Однако победа эта дорого стоила иосифлянам: горячая полемика, возникшая вокруг дела Серапиона, заставила великого князя уже в 1511 г. переменить позиции — Василий III примирился с опальным архиепископом и принудил также митрополита Симона примириться с ним;¹⁶³ в том же, 1511 г. покровитель иосифлян митрополит Симон при неизвестных нам обстоятельствах «оставил митрополью».¹⁶⁴ Такое окончание дела Серапиона, несомненно, должно было несколько ослабить позиции Иосифа. Церковные деятели, недовольные исключительным влиянием иосифлян, получили благодаря этому удобную возможность для выступления против «старца Иосифа». Нил Сорский уже не принял участия в этой полемике — он умер в 1508 г.; после его смерти наиболее видной фигурой среди нестяжателей стал Вассиан Патрикеев, вернувшийся в эти годы в Москву и ставший «великим временным человеком» при Василии III.

Участие нестяжателей в спорах, разгоревшихся вокруг дела Серапиона, с несомненностью обнаруживается из нескольких полемических памятни-

¹⁶⁰ ВМЧ, сент. 1—15, стлб. 495—497.

¹⁶¹ ГПБ, Q.XVII.50, лл. 59 об.—61 об. Ср.: А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 56—57 и 79—84. А. С. Архангельский считает посланием Нила Паисию еще одно произведение (ГПБ, Q.XVII.50, лл. 58—59 об.) и также, по-видимому, неверно. Вопрос о действительном авторстве мнимых посланий Нила мы предлагаем разобрать в специальной работе.

¹⁶² ПСРЛ, т. III, стр. 147, 184, 247; т. IV, стр. 136; т. VI, стр. 249—250; т. VIII, стр. 250.

¹⁶³ ПСРЛ, т. III, стр. 148, 184; т. VI, стр. 251—252; т. VII, стр. 252.

¹⁶⁴ ПСРЛ, т. XXIII, стр. 199.

ков. Мы имеем все основания предполагать, что именно дело Серапиона было поводом к началу открытых столкновений между учениками Иосифа и Нила. Когда, еще при жизни Нила Сорского, два постриженника Волоколамского монастыря, Нил Полев и Дионисий Звенигородский, отправились с благословения Иосифа на поселение к заволжским «пустынникам», они не встретили со стороны заволжцев враждебного отношения. «Изначала», по свидетельству одного из них, между ними и учениками Нила существовала даже «духовная любовь». Однако после скандала с Серапионом положение резко переменилось: уже известный нам белозерский «старец» Герман назвал иосифлян отлученными от церкви; в ответных письмах иосифлянин Нил Полев призвал своего обидчика, будучи «ногой», не судить «главе» — «сиречь митрополиту и всему собору Русская митрополия и отцу нашему и священно-иноку Иосифу».¹⁶⁵ Окончился этот спор весьма резким конфликтом: иосифляне обвинили одного из «заволжцев» в ереси, но не сумели убедить в этом великого князя и, благодаря вмешательству Вассиана Патрикеева, сами попали в заточение в Кириллов монастырь.¹⁶⁶ Об участии нестяжателей в споре о Серапионе свидетельствует и другой памятник, относительно недавно обнаруженный В. Ф. Ржигой. Это — послание неизвестного автора Иосифу, в котором автор очень едко высмеивает аргументы волоцкого игумена в споре с новгородским архиепископом. Кто бы ни был автором этого послания: двоюродный брат Вассиана Патрикеева И. И. Третьяков¹⁶⁷ или сам Вассиан,¹⁶⁸ нестяжательский характер памятника не вызывает сомнений.

Таким образом, первое активное выступление нестяжателей против Иосифа тесно связано с конфликтом между волоколамским игуменом и новгородским владыкой — конфликтом, социально-политический смысл которого достаточно ясен. Каково бы ни было отношение Иосифа к великокняжеской власти во время его борьбы с ересью, в 1508—1511 гг., волоколамский игумен несомненно объективно защищал централизацию против сепаратизма, выступал против носителей идей феодальной раздробленности — местного удельного князя и его защитника, новгородского архиепископа. Настроения сподвижников волоколамского князя очень ярко рисовал в одном из своих посланий Иосиф, жаловавшийся на нелюбовь к нему «велмож», заявлявших: «С собою ли он принес? Монастырского не дает! Оскудит ли тем монастырь?».¹⁶⁹ Теми же взглядами вдохновлялся и другой недруг Иосифа — Серапион. «Волен я в своем чернице, — говорил Серапион на соборе 1509 г., — а князь Федор волен в своем монастыре, хочет — грабит, хочет — жалует».¹⁷⁰

Выступая в защиту этих носителей феодального сепаратизма, нестяжатели в сущности проникались теми же настроениями и исходили из тех же позиций. «Почему еси дворянин великого князя?» — иронически вопрошал Иосифа автор анонимного послания, найденного В. Ф. Ржигой.¹⁷¹ Связь нестяжательства с идеологией феодальной знати, со всей ясностью обнаруживающаяся в середине XVI в., берет свое начало, как мы можем думать, от первых выступлений князя-инока Патрикеева в 1508—1511 гг.,

¹⁶⁵ В. Жмакин. Нил Полев. ЖМНП, 1881, № 8, стр. 189—196.

¹⁶⁶ Прибавление к творениям святых отцов, X, стр. 506—507.

¹⁶⁷ В. Ф. Ржига. Из полемики «иосифлян» и «нестяжателей». Известия Академии наук СССР, Отделение гуманитарных наук, 1929, № 9, стр. 812.

¹⁶⁸ Так предполагает А. А. Зимин.

¹⁶⁹ В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, Приложения, стр. 129.

¹⁷⁰ ДРВ, т. XIV, стр. 196.

¹⁷¹ В. Ф. Ржига. Из полемики «иосифлян» и «нестяжателей», стр. 809.

недаром князь Курбский так чтит «оного блаженного Васьяна».¹⁷² С этим же связано и другое характерное для XVI в. явление — поддержка нестяжательского движения некоторыми крупными монастырями, в частности таким старым центром политической оппозиции, каким был еще в XV в. Кирилло-Белозерский монастырь. Филиппики Нила против «плотских мудрствований», первоначально направленные именно против кирилловского монашества, легко переосмыслились по адресу господствующей иосифлянской верхушки церкви; еще охотнее повторяли эти филиппики бояре, недовольные ростом монастырского землевладения за счет светского. Общая направленность учения Нила — его индивидуализм (личное самосовершенствование), проповедь «ухода от мира» — также гармонировала с настроениями знати, все более оттесняемой от власти и переходившей в оппозицию. В глазах крупных феодалов нестяжательство становилось прежде всего политической идеологией, направленной против светских и духовных «дворян великого князя».

Столкновение нестяжателей с Иосифом Волоцким в последний период деятельности волоцкого игумена говорит, таким образом, об определенной эволюции нестяжательства. Но это столкновение говорит и о другом. Чем объясняется, что резкое расхождение между двумя идеологическими течениями, вышедшими из русла феодальной церкви, обнаружилось именно в начале XVI в.? Почему ученики Нила Сорского, упорно воздерживавшегося в своих сочинениях от прямых полемических выступлений против других церковников, решились в 1508—1511 гг. выступить против «митрополита и всего собора Русския митрополия и... священно-инька игумена Иосифа»? Для того чтобы понять причины этого, следует учесть явление, отмеченное нами выше: существование в конце XV в. силы, перед лицом которой все представители феодальной церкви были солидарны, — еретического движения. В начале XVI в. ересь была разгромлена; Вассиан Патрикеев и другие нестяжатели именно потому могли себе позволить выступить вопреки Иосифу за великодушие по отношению к еретикам, что речь шла о еретиках, отрехшихся от своих взглядов; активные деятели еретического движения, способные защищать свои воззрения (против которых Вассиан выступал так же решительно, как Иосиф) были физически истреблены. Предпосылкой нестяжательской «терпимости» было, таким образом, падение еретического движения.

Для того чтобы понять смысл идеологической борьбы, развившейся в Русском государстве в конце XV и в начале XVI в., необходимо постоянно учитывать крупнейшее общественное движение этого периода — новгородско-московскую ересь. При всей своей сложности еретическое движение конца XV в. представляло собой форму «революционной оппозиции против феодализма». Именно поэтому существование этого движения заставляло церковников серьезно помышлять о внутренней реформе церкви. Именно поэтому временное устранение еретической опасности позволило выйти наружу идеологическим движениям, отражавшим противоречия внутри господствующего класса феодалов.

¹⁷² А. М. Курбский, История о великом князе Московском. Оттиск из: РИБ, т. XXXI СПб, 1913, стлб. 3—4.